

Ольга Прокудина

*Вслед
за апрелем*

**ТОМ I
Лазурит**

18+

Ольга Прокудина
Вслед за апрелем.
Том 1 — Лазурит

«Автор»

2026

Прокудина О.

Вслед за апрелем. Том 1 — Лазурит / О. Прокудина — «Автор»,
2026

1936 год. Маленький город на Волге. Пятнадцатилетняя Лиза слышит музыку в дыхании скованной льдом реки и шёпоте деревьев и мечтает научиться воплощать её на пианино, но сбудется ли задуманное? Ведь впереди — суровая реальность эпохи, где каждому предстоит проверить свою стойкость. Это история о том, как юная душа пытается сохранить веру в идеалы, в добро и силу искусства, когда мир вокруг начинает меняться, вынуждая меняться в ответ. Роман не о букве истории, а о её духе — о музыке, звучащей сквозь годы, о творчестве, которое спасает, и о любви, что помогает идти вперёд, несмотря ни на что.

© Прокудина О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Часть 1 — Лето 1936 | 7 |
| Глава 1 — Лесной оркестр | 7 |
| Глава 2 — Железная птица | 17 |
| Глава 3 — Не повторять! | 24 |
| Глава 4 — Запретная скрипка | 33 |
| Глава 5 — Погрызанный велосипед | 39 |
| Часть 2 — Шкодница | 45 |
| Глава 6 — Камень неба | 45 |
| Глава 7 — Снова-здорово | 52 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 54 |

Ольга Прокудина

Вслед за апрелем. Том 1 — Лазурит

Вслед за апрелем

Ольга Прокудина

Том 1 — Лазурит

За тьмою — жизнь, за холодом — апрель,

И снова тёмный холод ожидания.

Я разобью певучую свирель.

Иду на Запад, умерли мечтанья.

(К. Бальмонт «Великое ничто», 1900)

К ЧИТАТЕЛЮ

Дорогой читатель, в произведении я пыталась передать не букву, но дух времени, память слова из Священного Писания: «буква убивает, а дух животворит». Главной действующей силой, побудившей меня написать этот роман, была энергия любви — самая мощная сила во Вселенной, помогающая человеку неустанно двигаться вперёд, творить добро, создавать всё самое прекрасное и рассказывать истории, идущие от сердца. Желаю приятного чтения!

Эта книга — художественное произведение. Создавая повествование, автор опирался на реалии эпохи и атмосферу, однако все сюжетные линии, персонажи и частные события являются плодом авторского воображения. Любые совпадения с реальными людьми, судьбами и фактами случайны.

Оглавление

Часть 1 — Лето 1936

Глава 1 — Лесной оркестр

Глава 2 — Железная птица

Глава 3 — Не повторять!

Глава 4 — Запретная скрипка

Глава 5 — Погрызанный велосипед

Часть 2 — Шкодница

Глава 6 — Камень неба

Глава 7 — Снова-здорово

Глава 8 — Принципы разведки

Глава 9 — ВВС

Часть 3 — Любимая зима

Глава 10 — Первый Новый Год

Глава 11 — Чёрное и белое

Глава 12 — Просто снежинка

Глава 13 — Свёкла для свидания

Глава 14 — Формула дружбы

Глава 15 — Не початый край

Глава 16 — Рождество

Часть 4 — Третья четверть

- Глава 17 — Малиновое варенье
 - Глава 18 — Неясные фразы
 - Глава 19 — Коляска и библиотека
 - Глава 20 — Ромашковый сбор
 - Глава 21 — Приятель, не злись
 - Глава 22 — До вечера
 - Глава 23 — Амурские волны
- БЛАГОДАРНОСТИ**

Часть 1 — Лето 1936

Глава 1 — Лесной оркестр

Хорошо помню тот летний день в начале каникул перед восьмым классом. Мы с Алевтиной и её старшей сестрой Алёнкой отправились на лесное озеро Сазанку — в поисках ландышей, герани и незабудок, а ещё крапивы и листьев кислицы — в простонародье, дикого щавеля. Из-за ветра денёк выдался немного прохладный и облачный, но выглядывавшее временами солнце как-то мягко и трогательно пригревало землю и нас — маленьких гостей этого удивительного огромного мира. Ухабистая и пыльная дорога тянулась вдоль от начала и до конца леса, и мы, предпочитая более живописный вид, свернули на извилистую лесную тропу. Звонкие трели соловья охватывали безмятежным покоем и лёгкой эйфорией, и мы стали хором напевать песню:

*Сама садик я садила,
Сама буду поливать.
Сама милого любила,
Сама буду забывать.*

Затянуть куплет-другой я любила. Только не на уроке пения. Там — марши. А тут — душа, и многие тотчас же начинают подпевать, а потом отмечают мой приятный, чистый и звонкий голос. И я нисколько не хвастаю! При пении я правда стараюсь прочувствовать каждое слово и отчётливо слышу в голове музыку. Если песня грустная — играет пианино, иногда скрипка или флейта. А если весёлая — как сейчас — к задорным куплетам подходит гармошка. И моё пение, сопровождаемое этим невидимым инструментом, будто становится ещё веселее и звонче.

Незаметно мы добрались до небольшой опушки. Здесь вид на Сазанку был особенно красив. Внимание привлекла упавшая в озеро у самого берега длинная сухая сосна, наполовину погрузившаяся в воду, наполовину лежащая на берегу. Здесь мы и решили расположиться, собравшись сразу окунуться и смыть с себя дорожную пыль. И всё бы ничего, если бы не внезапное, поразившее, будто молнией, осознание: купальный костюм благополучно остался в шкафу! Разиня! Вечно со мной так... Пришлось всеми правдами и неправдами выпроводить подружек за травами, обязавшись заняться костром. Во-первых, я совершенно не намерена отказываться от купания из-за риска услышать очередные шутки по поводу моей недоразвитой груди, которая, похоже, не растёт совсем. В то время как и у Алёны, и у Али, с этим делом всё в полном порядке. Девочки часто подшучивают надо мной, говоря: «Выдави и прижги зелёной». Но это ещё ерунда, по сравнению с тем, что у меня, во-вторых...

Я огляделась по сторонам — привычка. Ни души. Рыбаки почти всегда на другом берегу. И вообще, «июнь — на рыбу плюнь». Я достала из сумки одну из парочки стыренных у отца папирос. Подкуривать начала прошлым летом. Но делала это от случая к случаю: когда удавалось стащить у бати папироску-другую, или когда угощал кто-то из соседских ребят, также успешно обчистивших папашины карманы, или когда мы находили бычки. Главной задачей было — не попасться на глаза взрослым. Иначе нагоняй ждал — будь здоров! Друг друга, само собой, прикрывали, и после баловства с папиросами обязательно старались чего-нибудь пожевать. Сегодня у меня есть вариант просто хорошенько вымыться, а потом перекусить печёной картошкой. Боже упаси, если родители снова почуют запах папирос! Колени тотчас загорелись, «вспоминая» угол с горохом, куда угодила после первого разоблачения. Сёстры Бобровы меня,

в случае чего, конечно, всегда прикроют, но с глазу на глаз и они любительницы почитать нотации. Ещё бы: из девчонок в нашей компании дымлю только я. Затушив окурок, я принялась собирать ветки для костра. Искупаюсь и положу запекаться наш обед. С кислицей будет настоящее объедение. Закончив возиться с валежником и розжигом, я сняла ветхое платьице и нижнюю сорочку. Проку от неё нет. Только намокнет. Расплела косы, спрятав за густыми чёрными прядями скромные формы. Надо поторопиться, вдруг эти двое быстро вернуться.

Неохотно войдя в студёную, ещё не прогретую лучами летнего солнца, воду и, через силу окунувшись, я принялась что есть мочи натирать мочалкой покрывшуюся мурашками кожу и продолжала петь:

*Ах, что это за садочек,
За зелёнький такой?
Ах, что это за мальчишка,
Разбессовестный такой?*

*Пустил славушку худую —
Все соседи говорят...*

Напевая куплет за куплетом, я забыла о прохладе озера, слушая, как моё эхо смешивается с всплесками воды. А вновь выглянувшее солнце, ласково касаясь кожи, слегка облегчило мою задачу. Хорошо вымыв тело и волосы, я вышла на берег и живо вытерлась полотенцем. Вот только из-за копны мокрых волос, вытирать которые почти бесполезно, сорочка тоже вымокла, прилипла к телу и местами стала просвечивать. Ядрёна вошь! Могла бы и не снимать. Придётся ждать, пока обсохну, прежде чем надевать платье. Повесив мочалку на ветку, я уселась на ствол упавшего дерева поодаль от костерка и, будто зачарованная, невольно преображённая волшебством вокруг, принялась вслушиваться в музыку природы: мерный шелест озёрной воды, порывы упругого ветра и трели птиц. Лес звучал единым, огромным оркестром, управляемым опытным, невидимым дирижёром, раз и навсегда нашедшим идеальную гармонию и тональность созвучий. Есть у дирижёра в программе и тихая лирика, и раскатистая проза, и умиротворённость ночи, и живость дня, и весеннее журчание, и осенний шелест. И всем нашлось место в его оркестре, и все слышны: и отдельные группы, и дуэты, и сольные партии. Стоит только преклонить слух и насладиться!

Вот деловито жужжат над едва распустившимся клевером шмели, будто бы басом споря меж собой — не рано ли собирать пыльцу. Рядом беззаботно поют попрыгуны-стрекозы, упрямо не слушая напутствие старой басни. Тихонько щебечут на разные лады дрозды, то по несколько раз повторяя слова в куплетах, то заливаясь художественным свистом. А вот и главный солист — крохотный и неприметный соловушка. А голос-то, голос! Ни передать, ни послушаться! Есть в оркестре и более заметные глазу фигуры, чьи голоса подчас едва слышны и создают лишь общий фон. Но их участие не менее важно для дирижёра. Вот облачённые в чёрно-белые сарафаны, юные красавицы-берёзки. Переливчато шелестят они изумрудной листвой — будто шушукаются, поглядывая на стоящих напротив стройных молодых тополях, громко гомонящих о начале лета и сулящих негу и ласку солнечных лучей. Вот, поочередно потрясая ветками, перекликаются у воды шиповник и калина, словно супруг с супружницей. Жадно вбирают они влагу озера, чтобы к осени дать силу плодам. Вот протяжно скрипит старый дуб и ворчит невнятно, будто древний старик, вслед беззаботно летящему ветерку, с озорством треплющему сухие, вековые ветви, что трещат и ломаются будто натруженные, больные кости. Вот шуршит под ладонями иссушённая и загрубевшая кора старушки-сосны, словно тихонько нашёптывает историю прожитой жизни. Деревья. Сколько закатов и рассветов, сколько зим и вёсен они повидали?! Быть может, в шуме этих безмолвных долгожителей

слышится течение времени? Бег столетий, среди которых, наша жизнь — лишь ничтожный миг. Момент, что меркнет, будто мимолётная вспышка.

Что ждёт меня в этом моменте? Буду ли петь, или всё-таки освою фортепиано, а может, что-то иное? Кто выберет меня? Кого выберу я? Изменится ли жизнь, если выбор будет неверен и судьба уготовила мне кого-то другого? Выйду ли замуж, рожу ли детей? Или мне суждено умереть молодой? Как умерли от голода три года назад некоторые знакомые, соседи, одноклассники. Или как мои бабушки и дедушки от того... того, что было почти двадцать лет назад? А может, уйду в вечность почтенной старушкой, успев отгулять на свадьбе у правнуков? Сценарий бытия природы известен лучше сценария нашей собственной жизни. Молодость прекрасна тем, что всё впереди и всё возможно, и одновременно пугает потому, что главные решения изменить нельзя, как дважды не войти в одну реку. Порой одолевают мысли о том, что это время, и вправду, лучшее в моей жизни, а дальше за наивное, безмятежное счастье неминуемо ждёт расплата. С другой стороны, что есть счастье? И действительно ли я по-настоящему счастлива?

«Хм, как много странных и будто бы чужих мыслей! Как из книжек, но при этом из сердца. Моего сердца», — внезапно пронеслось в по большей части пустом котелке. Будто кто-то по мановению волшебной палочки рассеял чары звуков, и я снова стала самой собой. Подобные «озарения», пусть и не такие длинные, случаются, конечно, не в первый раз. Один из моих школьных товарищей — Шумилин Мишка — даже как-то выдал, что, мол, бываю чересчур сложной, заковыристой. Наверно, потому, что, как говорили Алевтина и мама — я слишком эмоциональна и впечатлительна. Они часто советовали не принимать всё близко к сердцу, иначе по жизни будет слишком тяжело. Но что если именно после этих переживаний, обид и ран счастье и становится счастьем? Отчётливым и ярким. Как первый луч солнца после бури. Ну вот опять меня куда-то понесло! Поэт серебряного века, ей-богу! Внезапно я, до сей секунды слышавшая лишь музыку этой зелёной кладовой, уловила, что тоже пою. Гужу себе под нос какую-то непривычно печальную мелодию, будто в дань грусти о пролетевших у лесного озера безмятежных мгновениях. Я закрыла глаза и представила клавиши, внемля, как едва слышным хрустальным касаниям вторит протяжное страдание скрипки, как в конце пианино становится глуше и тяжелее, а потом мелодия прерывается резко и дерзостно, будто крышку инструмента захлопнула невидимая рука, оборвав одну за другой струны скрипки. Нет, пожалуй, товарищи и мама правы — нужно быть проще, и всё обязательно будет хорошо! А со всякими заковырками пора завязывать. Больно нужно сотрясать мозги на ровном месте. Мало что ли уроков арифметики?!

Волосы и сорочка уже слегка подсохли. Но сейчас, когда солнце снова затерялось в гряде облаков, тело стало пробирать лёгкой дрожью. Надо одеться — ещё не хватало заболеть в самом начале каникул, едва открыв купальный сезон. Встав с упавшей сосны, я шагнула к лежащему рядом с сумкой платью, заметив на земле несколько картофелин. Совсем забыла! Старательно уворачиваясь от разносимого ветром древесного дымка, я положила картошку с краю костра. Как раз запечётся к возвращению девчат. Вдруг раздался громкий треск веток, глухой удар и всхлип, исполненный боли. Я вздрогнула и, резко повернувшись, увидела лежащего под дубом юношу.

Все звуки на мгновение будто замерли, казалось, даже птицы перестали вести свои диалоги. Попытавшись подняться, парень застонал, и я быстро зашагала к нему. Мало ли что... Худенький светловолосый парнишка с досадой глядел на дерево, с которого только что рухнул. Его зелёные глаза были слегка увлажнены слезами, а густые, но едва заметные брови, искажены в исполненной боли гримасе. Дай бог, чтобы кости не переломал!

— Цел? Можешь встать? — встревоженно спросила я.

— Да, в-вроде м-могу, — с растерянным смущением ответил он, подняв торс от земли, опираясь на ладони. Изящное и весьма приятное лицо паренька слегка портили широковатый

нос и рот. Белоснежную кожу покрывали светлые веснушки, а на лбу и шее было несколько тёмных родинок. Он робко скользнул глазами по моему, к счастью, уже не просвечивающемуся, исподнему, чем вызвал осознание вопиющего бесстыдства ситуации. Похоже, этот негодяй видел весь процесс моего купания! И как я не заметила этого шпиона?! Не услышала среди лесного оркестра ни единого постороннего звука!

— Ёлки-палки! Ты же за мной подглядывал?!

— Дык, я... я... — он покраснел до ушей.

Мои щёки тоже вспыхнули огнём, но, строго и пристально посмотрев на него, я произнесла:

— Говори как есть! Не идиотка!

— Я... я... не с-специально. Так с-само получилось, — заикаясь и глотая окончания, неумело оправдывался горе-лазутчик, всё ещё сидя на земле и то и дело поправляя тщательно выглаженную тёмно-зелёную ветровку.

— Здравствуйте-мордасте, само! Тебя разве не учили, что подсматривать стыдно?

— Дык, я на в-велосипеде ехал, услышал пение и в-выехал на опушку.

— А когда сняла сорочку — забрался на дерево, чтобы незаметно пялиться?

Парнишка съёжился и покраснел ещё сильнее.

— Или скажешь, что не пялился?!

— Н-ну, я... я это... — снова попытался оправдаться шпион, пугливо пряча взгляд.

— Бессовестный! — со злостью выпалила я. — Ты же видел меня в чём мать родила, а теперь ещё и брешешь!

Он окончательно умолк, опустив взгляд на землю.

— Вот позорище! Испортил весь день!

— П-прости, — виновато и едва слышно ответил верхолаз, безуспешно пытаясь подняться с земли.

По-детски наивное смущение сбивало с толку, а боль, явно читавшаяся на лице, вызывала сочувствие. В самом деле, чего я так на него набросилась? Самой не следовало мыться в таком виде. Нужен был купальный костюм. Да и сейчас не мешало бы, наконец, одеться.

— Отвернись! — крикнула я, но, громко вздохнув, добавила: — Хотя к чему? Ты уже всё видел!

Лицо парнишки окончательно превратилось в спелый помидор, и, продолжая лежать на земле, опираясь на локти, он быстро повернул голову. Надев платье, я снова подошла к нему и протянула руку:

— Чего разлётся?! Земля ещё холодная.

Он нерешительно обхватил мою ладонь, и я помогла ему встать.

— С-спасибо.

Паренёк переминался с ноги на ногу, слегка хмурясь от боли. Какой он долговязый! Ёмаё! Это же ужас! А какой тощий. Просто ходячий скелет!

— Ещё раз прошу п-прощения за испорченный день.

Ну и голос. Хрипловатый, надтреснутый. Да ещё и тихий. Да, разговаривает он очень и очень хреново.

— Да плюнь ты! Немного вспылила. Этот день так просто не испортить, — ответила я, наконец, успокоившись и улыбнувшись.

Юноша едва заметно улыбнулся в ответ, словно боясь, что снова выйду из себя. Он немного странный, но какой-то трогательный, что ли. И милый. Правда, слегка напоминает белого мышонка. Нет, пожалуй, кого-то из земноводных. Точно! Лягушонка или ящерку. Но молча стоять, глупо уставившись под ноги, точно не по мне! Надо хотя бы познакомиться:

— Лиза, — снова протянула я руку.

— В-вальдемар, — по-прежнему заикаясь, ответил парнишка, быстро коснувшись моей ладони. — П-приятно познакомиться.

— Немец? — растерявшись, задала очевидный вопрос.

Он кивнул, понуро опустив голову. Его реакция была вполне объяснима. Хотя немцы — в Энгельсе полноправные хозяева наравне с русскими, у них здесь даже своя автономия и что-то вроде нашей администрации, но их почему-то всё равно многие недолюбливают. наших раздражает их дотошность и пунктуальность. Немцам завидуют за их ум и трудолюбие, да и живут большинство из них довольно зажиточно. Но не каждый понимает, что недостаток этих людей — результат кропотливого труда, ответственности, аккуратности. Они не напиваются и не ленятся, как частенько бывает у наших. На немецких улицах всегда очень чисто, а дома, заборы и участки как на подбор похожи и дополняют друг друга, создавая единый архитектурный облик. А ещё они внесли огромный вклад в развитие науки, изобразительного искусства, театра и музыки. Уж я-то наверняка знаю, какие волшебные мелодии играют участники оркестра НемГосТеатра. Они вкладывают свою душу, опыт, знания и недюжинное трудолюбие в развитие русской земли, и я уважаю этих людей, для которых наша страна стала второй родиной.

— Ну, немец и немец. Не бандюга и ладно. Ещё больно?

— Т-герпимо, — ответил мой новый знакомый и робко спросил: — Что ты н-напевала?

— «Сама садик я садила». Ты ведь сказал, что слышал?

— Н-нет, не это. П-потом. Без с-слов.

— Сама не знаю. Придумалась какая-то унылая дребедень.

— Н-нет. Очень к-красиво! Х-хотя я мало в этом с-смысле. Такие вещи по части б-брата.

— Он поёт?!

— М-музицирует и оттого иногда з-задирает нос.

— Но это неправильно! Если каждый станет проявлять самодовольство, прогресс, вероятнее всего, остановится.

— Das stimmt! Так и есть! И м-мы станем п-перебираться обратно в пещеры или на деревья.

Конец фразы, с учётом произошедшего с Вальдемаром несколько минут назад, прозвучал очень комично, и я, не сумев удержаться, громко захохотала. Поняв неуместность сказанного, покоритель крон тоже стал смеяться.

Кажется, он — неплохой парень! Простой, весёлый. Обидно, что заикается. Наверное, за это над ним любят подшучивать. И оттого он так зажат и робок.

— Конечно, человек шагнул далеко вперёд, но разве есть предел совершенству?! Это как в авиамарше: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью».

— П-преодолеть п-пространство и п-простор! — воодушевлённо продолжил Вальдемар. — Я м-мечтаю летать!

— Значит, сегодня твоя мечта уже сбылась!

— Дык, ж это п-пике!

Мы снова рассмеялись. Он так странно прикрывает усмешку рукой, зато какие красивые пальцы!

— Если н-не п-попаду в лётное — с-стану х-художником.

— Ты умеешь рисовать?!

— Н-немного, — скромно ответил мой новый знакомый. Да! Уже представляю, как эти изящные пальцы держат кисть и смешивают краски на палитре! Вот глупая фантазёрка! Ещё не хватало сейчас покраснеть, показав ему свой интерес.

— Здоровски! А я совсем не умею. Но любоваться просто обожаю! Репродукции в музеях, рисунки с открыток, картинки в газетах и журналах. У меня даже есть несколько иллю-

стрированных книжек о знаменитых художниках! Интересно читать об их творческом пути и жизни.

— Ja, wirklich! Да, п-правда! Мне т-тоже нравится! А ч-что т-ты с-сама? У т-тебя есть мечта?

— Есть. Но пока храню её в строжайшем секрете, — усмехнулась я.

— Ты м-могла бы п-петь. Здорово выходит! Т-только не кури. Испортишь г-голос.

— Ёлки-палки, ты же видел! Теперь точно кому-нибудь растреплешь!

— Н-не растреплю!

— Так и поверила! Что хочешь за молчание? — шагнула я к сумке и достала оставшуюся папиросу. — Вот. Держи.

Немыш отстранился и опустил глаза.

— Не куришь?! Так и думала! — рассмеялась я, предполагая это с самого начала, но понятия не имея, что ещё можно ему предложить. — А хочешь?

— Н-не з-знаю...

— Давай! У меня уже все друзья курят, — всучила я пареньку папиросу и присела на корточки к ещё тлевшему костерку. — Иди сюда! Прикуривай и затягивайся. Только не сильно.

Вальдемар, присев рядом, неловко зажал губами папиросу и наклонился к огню.

— Сдурел?! Обожжёшься! Дай сюда — покажу, как надо.

Осторожно вытянув с края пепелища одну из не прогоревших веток, я прикурила и, хорошенько затянувшись, с блаженным бахвальством выдохнула здоровенный клубок дыма, довольно наблюдая как его плотные, отчётливые контуры, медленно расплываются в воздухе. Переведя взгляд на немецкого мальчика-одуванчика, изумлённо таращащегося то на меня, то на огромный столб извергнутого мною дыма, я невольно рассмеялась.

— Сразу так не сможешь. Даже не пытайся! — дала напутствие я, протянув папиросу обратно.

— Ч-что-то в-вообще н-не х-хочется. К-кури с-сама, — испуганно перебирал губами Вальдемар, слегка отклоняясь в сторону.

— Да ты хоть затянись! Не понравится — докурю.

— А з-запах?

— Ерунда! Провоняешь костром, и никто не догадается. Гадство! А я... на черта только мёрзла в ледяной воде?!

— А г-где ты её взяла?

— Где взяла, там уже нет!

— Н-не так с-спросил. Г-где их в-вообще б-берут?

— Ну, даёшь! Ну, покупают...

— Дык кто н-нам п-продаст?! В-видно же — м-малолетки.

— Ну, можно попросить кого-то из старших. Юрке Боброву — приятелю всегда старший брат приносит. Ему двадцать два. Можно бычков собирать... ну, окурков, значит.

— Или з-залезть в отцовский к-карман? — с презрением процедил мой новый, шибко правильный, знакомый.

Ощувив укол стыда, я пожала плечами. Зачем говорить о том, что и так понятно?! Да, неправильно, но...

— А взрослым-то можно. Дыми — не хочу! Так почему тогда нас из-за каких-то пары-тройки лет толкают на воровство и попрошайничество?!

Молчит.

— Так что, берёшь или нет?! Зря ведь прогорает!

Паренёк неловко взял папиросу и, поспешно затянувшись, громко закашлялся.

— Не торопись! Плавный вдох и выдох. Скоро привыкнешь.

Переведя дыхание, Вальдемар продолжил делать затяжки, всеми силами сдерживая пробивавшийся кашель и пряча наполнявшиеся слезами глаза. Ничего. Первая папироса не всем легко даётся. Но тихоня всё же оказался молодцом, докурив её до крохотного бычка. Бросив в едва тлеющий огонь окурочок, он угрюмо и молча, о чём-то задумался, блуждая взглядом по лесной поляне. Наверное, рассуждает о том, какая я испорченная! Да, такому, как он, явно негоже со мной якшаться. Добротные, чистенькие вещи, новёхонькие ботиночки, хорошие манеры... А что я... Оборванка, ведущая себя как неотёсанная и невоспитанная упрямец, делающая втайне от взрослых то, что не следует. Пусть так. Но я это я и ни за что на свете не хотела бы быть такой скучной, как этот немец. Но сколько он будет молчать?!

— О чём думаешь?

— Ich möchte... Х-хочу с-сохранить этот в-вид, — тихонько кашлянув, отозвался новоиспечённый дегустатор отцовского «Беломора».

— Сохранить?

— В памяти.

— Фи. Зачем? Тут же, поди, лет сто ничего не меняется.

— Н-неправда. Эта с-сосна ещё в п-прошлом г-году стремилась в-ветвями в небосвод, а т-теперь н-наполовину лежит в озере.

— Ну это да...

— А в-вон т-там п-пролески. Всего через н-несколько д-дней они отцветут с-совсем. А в-вон облако. В-видишь?

— Какое? Их куча!

— В-вот то справа, п-похожее на к-крыло.

— Так, — пригляделась я.

— Оно в-ведь уже т-таёт и с-сливается с другими.

— И? И что с того?

— Н-неповторимость м-момента. Бег в-времени, п-понимаешь?

Я нелепо рассмеялась, а Вальдемар тут же, слегка надувшись, поджал губы.

— Ну, ты чего? Я же пошутила. Конечно, понимаю. И не поверишь, до того как тебя здесь обнаружить, думала почти о том же самом! Но тебе проще сохранить момент — ты же художник.

— В-возможно, н-но ни одному художнику не д-дано п-передать в-всю п-прелесть этого м-мира!

Я снова хихикнула, а он опять насупился.

— Ты так печально об этом говоришь.

— Н-но разве это н-не так?!

— Так. Но кто запрещает тебе передать хотя бы её часть?!

— М-мне с т-таким т-трудом даются п-пейзажи... — сокрушённо вздохнул паренёк.

— Рисуй натюрморты! Это кажется проще.

— Nein. Н-не моё. Скучновато.

— Животные?

— На т-троечку.

— Неужели портреты?!

— Нравится, но на единицу.

— Хм. Или ты к себе чересчур строг, или... — я вовремя осеклась, едва не завершив фразу неутешительным выводом, и быстро спросила: — Может, картошки?

— С-спасибо, я не г-голоден.

— Не голоден?! Да ты ведь кожа да кости! — бездумно выпалила я, испортив всё ещё больше, чем могла.

Парень тут же обиженно отвернулся и, буркнув: «Мне пора», поднялся и заковылял в сторону злополучного дуба.

— Ну, ёлки, ну я же не со зла. Ну не обижайся! Просто если что-нибудь съесть, запах будет меньше.

Вальдемар, не оглядываясь, шаркал к месту пикирования.

— Не сдавай меня. Ладно? — взволнованно прокричала я вслед. — Не сдашь?

— Дык кому?! Я в-ведь ничего о тебе не з-знаю. Ни д-друзей, ни з-знакомых, ни родителей, — едва слышно проворчал он.

— Точно! Глупость. Значит, если бы знал — растрепал бы? — резво подскочила я, встав перед ним и пристально вглядываясь в глаза. Он тотчас же поднял их и оскорблённо, но весьма убедительно ответил:

— Я не с-сплетник и не ябеда!

— Уезжаешь? — процедила я, злясь одновременно на его обидчивость и свою невежливость.

— Угу.

— А доехать сможешь? Боль ушла?

— Таугт! В с-смысле, с-сойдёт. Д-должен доехать.

Вальдемар шустро вывез свой транспорт из кустов волчьей ягоды, расположенных чуть дальше.

— Ух, ты! Ничего себе!

Передо мной, бликуя на солнце хромированным рулём и вилкой, стоял велосипед, о котором мечтала с позапрошлого лета. Спортивный «Дукс»¹! Со страниц «Физкультуры и спорта»², который мы с ребятами иногда берём почитать у нашего физрука. Но... не синий «динамовский», и не красный цвета «Спартака». Не хаки и не чёрный, какие встречаются чаще у дорожных моделей. А светло-зелёный... «Локомотив» что ли... И логотип зачем-то окрашен. Может, у немцев какая-то своя команда. Но... но... неужели этот заморыш... спортсмен?! Тогда я точно певица, да ещё и всесоюзная!

— О-откуда?! — начала заикаться под стать ему. — Т-ты гонщик?!

Паренёк покраснел, смущённо покачал головой и, неловко пожав плечами, пробормотал, мол, раздобыл отец. Ну, ничего себе, добытчик! Интересно где?! Наверняка, примерно там же, где я папиросы. А сыночек меня тут ещё и воспитывать вздумал!

— Он не н-новый. И н-не т-трековый, — как бы в оправдание владения подобным транспортом промямлил Вальдемар.

— Но и не дорожный. 12-13 килограммов веса. Комбинированный тормоз. Лёгкие алюминиевые обода. Двадцать седьмые колёса, — зависть в голосе едва удавалось скрыть за восхищением. — На кой только название закрасили?! Видно же, что «Дукс»! Шоссейный. Неужели заржавел? Или облез?

— Это... это...

— Да понятно всё. Видимо, много летал. Лётчик, — хихикнула я.

Вальдемар слегка угнулся и через силу выдал подобие смешка.

— Да ладно, все учатся, — поддержала я и, вздохнув, добавила: — у кого возможность есть.

— Я п-подумал, у т-тебя такой же... Столько з-знаешь.

— Ага! Такой же. На фото. В журнале. И то не в моём. Видимо, это и есть моя мечта. Самая незатейливая и не требующая лично от меня почти никаких усилий.

¹ Дукс — марка велосипеда, производившегося на одноимённом Московском заводе до революции. Советский «Дукс» — продукция завода им. Фрунзе, использующая старый бренд для узнаваемости.

² «Физкультура и спорт» — советский и российский иллюстрированный научно-популярный и литературно-художественный журнал по проблемам физической культуры и спорта, издающийся с 1928 года.

Юноша неловко поджал губы, снова поправляя куртку и будто придерживая что-то за пазухой.

— М-могу п-прокатить или подвезти до дома.

— Да ты хотя бы сам доберись, — хихикнула я, удивившись отсутствию малейшего беспокойства за себя самого. — И потом, не могу же я вот так запросто уехать, ничего не объяснив подружкам.

— С-согласен. Г-глупость.

— А ты... почему катаешься по лесу один?

Вальдемар понуро пожал плечами.

— Где товарищи?

— Мы н-недавно п-переехали с К-кузнечной. Р-район Краснявки.

— Значит, друзья остались там? Так съезди — проведай! На веломашине делов-то?! Весь город, поди, за полдня вдоль и поперёк обогнуть можно.

Юноша с досадой вздохнул. Видимо, всё ещё неважно ездит. Или же старые приятели слишком быстро о нём позабыли. А может, их и не было?

— А где теперь живёте?

— На н-набережной. Рядом с парком.

— О! Я живу рядом! На Калинина. И друзей у меня много. Все очень хорошие. Вас обязательно нужно познакомить!

— Н-не н-нужно, — угрюмо съёжился парнишка. Стесняется. Ладно, попробую зайти иначе:

— Ну нет, так нет. Слушай, может, поучишь меня кататься?

— П-поучить?! — удивился он и кивнул на свежеевыкрашенную раму. — А н-не боишься?

— А падал давно?

— М-месяца п-полтора н-назад, — смущённо признался гонщик безымянной команды.

— Годится! Жду завтра в полдень на Коммунарной площади. Идёт? Обещаю ничего не ломать!

— Ja! Д-да, идёт! — с воодушевлением отозвался он, снова шаря за пазухой.

— Да что ты там всё крутишь?! Что-то прячешь?!

— Н-нет. П-просто к-куртка... она... тут п-подкладка... Н-надо ехать!

Хм. Я не успела и глазом моргнуть, как парнишка шустро уселся за руль и скрылся в чаще. И всё-таки он странный, но забавный. Приятное позвякивание механизмов и шум встречного сопротивления воздуха быстро затихли, и на сердце отчего-то сделалось как-то пусто и тоскливо. Конечно, будь у меня такая веломашинка, точно бы забыла, что значит грустить. Ну, ничего, завтра обязательно научусь. Ребята с ума сойдут от зависти!

А вот и Лисёнок с Алёной подросли с красивыми венками в волосах, неся в охапках букеты цветов и мешочки с травами. Мне девочки тоже сплели и надели венки, сказав, что в нём, с распущенными волосами и в этом зелёном платьице, я похожа на милую лесную фею. Фи, глупые девчачьи фантазии. Тоже мне, милая фея, которая лазит по заборам, курит, дразнит дворовую ребятню и грезит о веломашине. Мы съели по несколько картофелин, закусив кислицей. Я расчесала высохшие волосы гребнем и убрала висевшую на дереве мочалку в тряпичную сумку. Зайдя в озеро по щиколотку, девочки передумали купаться, ощутив студёную, с непривычки слегка обездвиживающую прохладу воды. К тому же солнце окончательно скрылось, а ветер усилился. Проверив, что костёр погас, мы отправились домой. На углу улицы девочки насыпали мне в подол добрую часть крапивы и кислицы для ароматного «зелёного» супа и попрощались. Рассказать сёстрам Бобровым о состоявшемся необычном и смущающем знакомстве не хватило смелости. Дома, быстро отдав матери дары леса, я старалась до самого отхода ко сну не попадаться ей под руку, чтобы не оказаться уличённой в курении. На моё

счастье, она была закручена домашними хлопотами, а Верка не поняла, что от меня несёт не только дымом костра.

Глава 2 — Железная птица

Я сразу заметила на углу площади зелёный «Дукс» и мигом пронеслась через дорогу. Вальдемар сыпал на тротуар крупу и семечки, а голуби и воробьи оживлённо слетались на угощение. Вот делать нечего. С удовольствием постреляла бы по ним из рогатки!

— П-привет! Т-тише! Не п-пугай птиц.

— Привет! Да чёрт с ними! Жрать захотят — вернутся.

Новый знакомый с некоторым осуждением взглянул на меня. Что ж, я не особо-то умею выбирать выражения. Тем более в угоду всяким благовоспитанным тихоням.

— Куда поедем?

— Не з-знаю, — растеряно отозвался Вальдемар, развернувшись в полупрофиль. На его левой щеке красовалась свежая ссадина. Да уж, похоже, с просьбой покататься, а тем более поучиться, я и впрямь поторопилась.

— Может, опять к озеру? Только теперь на Банное.

— Угу, — нерешительно кивнул парнишка, и я тотчас потянулась к его плечам. Он испуганно отпрянул, неохотно процедив: — Д-держись за руль и с-становись на н-нижнюю раму.

Веломашина показалась непривычно высокой, а рама — ужасно твёрдой и скользкой. Едва владелец тронулся, как я чуть было не соскочила вниз, испуганно пискнув. С трудом сдвинувшись обратно, я кое-как приноровилась сидеть на этой чёртовой железяке, а рулевой делал вид, будто ничего не замечает. Н-да, чую, о собственном удобстве и безопасности придётся позаботиться самой — езда верхом на этой штуковине что-то навряде средневековой пытки. А по неопытности предложенный мною маршрут, как нарочно, оказался сплошь усыпан мелкими камнями и кочками, отзывающимися в костлявом «мягком» месте жуткой болью. Я уже едва ли не жалела о своей затее, но, стиснув зубы, терпела, мало по малу подбирая наиболее сносное положение для пятой точки. Водитель сосредоточенно молчал, не торопясь уступать мне место. Ещё бы! После такой посадки, поди, уже проклял затею с моим обучением. Плевать! Главное, что я, несмотря ни на что, ни капельки не передумала:

— Эй, я ничему не научусь, сидя на раме! И отобью всё на свете! Знала бы, как неудобно!

— П-потерпи. Нужно доехать до лужайки. Там удобнее т-тренироваться.

— Мягче падать?

— Ага! — усмехнулся Вальдемар, вероятно, переживавший скорее за свой «Дукс». Ещё бы. Дорогуший. К тому же шоссейная модель. Явно не для наших ухабов. Не практичный у него папаша. Такому коню не по Энгельсу колесить, а по ровным столичным дорогам.

— Твоя щека... всё-таки опять шлёпнулся? — ёрзая по жёсткому металлу, полюбопытствовала я, пытаюсь хоть как-то отвлечься от неприятных ощущений.

— Nein!

— С дерева?

— Нет! — сердито буркнул рулевой и продолжил отмалчиваться. Этого я просто не могла выносить и продолжила допрос:

— Подрался?!

— Угу... — неохотно и мрачно промычал юноша.

Видимо, стыдно. Но разве можно стыдиться?! Наверняка его дразнят из-за заикания, а он пытается дать отпор!

— И правильно! Я тоже дерусь. Иногда.

— Du-u-u?! Д-дерёшься-я-я?!

— Дерусь! Но ты не дрейфь — тебя не трону, — хихикнула я.

— Дык ты ж д-девчонка!

— И что с того?! — тут же вспыхнула я. — Думаешь, не смогу отвесить тумачков? Спорим?!

— Я не п-про то. Д-девчонкам не к лицу д-драться.

— Не к лицу быть размазней и терпеть! Так мы поощряем обидчиков. Надо защищаться. Любым способом.

— В-вчера я р-рассудил также. В-ведь не в п-первый раз п-просил не лазать в моих вещах без спроса. А он...

— Кто?!

— Б-брат. Р-рассматривал мои рисунки и с-снимки.

— А ты и фотографировать умеешь?!

— Н-немного.

— И фотоаппарат есть?!

— Ага!

— Здорово! Свой собственный?!

— Да! «Фотокор». П-папка в п-прошлом году на день рождения п-подарил!

— Везёт же некоторым! И фотоаппарат, и веломашинка. Видно, папка тебя очень любит.

Эх... Я тоже хочу фотографировать! Научишь?!

— П-попробую. С этим д-должно быть п-проще и, уж точно, б-безопаснее.

— Ха! Сто пудов! Слушай, а может, твоему брату просто понравились снимки и рисунки, и он тоже хочет научиться?

— Не! Ему это не интересно. Т-только п-посмеялся над несколькими. Х-хотел п-показать родителям.

— А может, они и вправду смешные? Что на них?

— Не смешные! — глухо буркнул Вальдемар и непривычно быстро закрутил педали, вцепившись в руль так, что побелели костяшки пальцев. Тоже мне убедил. Тут явно что-то неладное.

— Покажешь?

— Nein! — грозно возразил он и дёрнул руль.

— С ума сошёл?! И так едва держусь!

— П-прости, я н-не хотел, — виновато пролепетал водитель, начав двигаться с излишне медленной опаской.

— Остановись! Я слезу!

— Х-хочешь уйти?! — с взволнованным сожалением осведомился Вальдемар.

— Не дождёшься! Обещал выучить — учи! Просто лучше пойду пешком. А то тут кое-кто шибко нервный! А я и без того всю жопу отбила!

Вальдемар поперхнулся, тотчас остановившись и промямливая: «Прости». Ха. Ему так не нравятся мои фразочки. Ну что ж, или пусть привыкает, а нет — удачи в поисках какой-нибудь тихони. Облегчённо спустившись с веломашинки, я полюбопытствовала:

— А этот брат старше или младше?

— Младше, и ему всё с-сходит с рук, — отозвался новый приятель, следуя позади и везя велосипед по узкой тропинке. — А м-мать не чаёт в нём д-души.

— О, я тебя понимаю! Моей сестре восемь. И чего бы она ни натворила — у родителей есть неоспоримое оправдание: «Ну, она же маленькая!».

— Дык вот! Ему п-прощают любую ш-шалость. А он с-становится ещё р-развязнее.

— А в школе? Пионервожатые, учителя — разве никто не может пристыдить?

— В школе — образец для п-подражания. Комсомолец³.

— Во дела! Выходит, притворяется? Там один, здесь другой.

³ Комсомолец — член Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодёжи (ВЛКСМ — 1918-1991 годы).

— Ja! П-похоже, так!

— Ненавижу притворство! И потому имею по поведению твёрдую двойку!

— Im Ernst?! Серьёзно?! — воскликнул рулевой, слегка зацепив мою ногу передним колесом.

— Ну, осторожнее, водила! Разве неуд — повод меня переехать? — рассмеялась я, а он по обыкновению рассыпался в извинениях, будто и впрямь меня переехал. — Тем более не за четверть. А так. Иногда. Но бывает и наоборот!

— П-пятёрки?!

— Не совсем. Просто моё поведение оказывается очень смелым и благородным, — хихикнула я.

— Например?

— Не хочу хвастать.

— Я же с-сам с-спрашиваю. Так что это не х-хвастовство.

— Ладно, — отозвалась я, повернувшись лицом к попутчику и зашагав задом наперёд: — В общем, прогуливала я как-то по весне контрошку.

— Т-ты п-прогуливаешь уроки?!

— Только алгебру. Ненавижу её. То тройбан, то двойка. Даже неинтересно. А ты? Ничего не прогуливал?!

— Oh nein! Н-нет!

— Какой паинька! Иногда нужно меньше протирать штаны и искать место для приключений и подвигов! — с шутливой и как бы ласковой укоризной заметила я, чтобы его не обидеть. — Так вот, пошла пошастать на Ставку. Мороз и солнце, день чудесный. И речка подо льдом блестит. Вокруг тишина. Кто на работе, кто в школе. Пара прохожих вдали — и весь народ. Дай, думаю, курну незаметно. Только спичкой чиркнула — слышу: вопль. Гляжу — малой какой-то под лёд угодил. Я к нему. Пальто скинула — он за рукав хватать. Слышу треск. Швы. Ещё треск. Другой. Глухой и громкий. Лёд! Задрожал, затрясся. Вот-вот дальше разойдётся и пиши пропало, но пацана тяну, не бросаю. Кричать сил нет. Мне бы его из воды достать, а дальше может и прохожие подспеют. Пальто намокло — теперь не порвётся. А лёд, ядрёна вошь, как звякнул, раскололся да в стороны. Я мальчишку в охапку — и бежать. Тяжёлый, зараза, что чугуна и ледяной, аж пальцы сводит, а колотится как карась на крючке. Позади треск, брызги! А вот и люди подскочили. И ну нас шубами да ватниками кутать, да бранить, что школу прогуливать вздумали. Он ведь, мальчишка этот третьеклассник, тоже с математики сбежал. Рыбу поудить. Заранее удочки на берегу припрятал. Как я сама до этого не додумалась?! Вот ведь как мы с ним похожи оказались! И оба цифры не любим.

— Ага. Не то что мой б-брат. Т-тому т-только т-точные науки. Вот он...

Да что он всё с этим братом?! Договорить не даёт! Какой прок то и дело рассказывать о незнакомом мне мальчишке?

— ...Потом, само собой, и от родителей попало. За прогул и за курение. Зато в школе только и говорили, какая смелая! За себя не побоялась, спасать бросилась. А я что?! Любой бы так, — с деланной скромностью завершила рассказ я, вспоминая, как потом, едва ли не с месяц, задирали нос перед товарищами, с удовольствием пересказывая каждому историю спасения утопающего.

— Не любой. Ты п-правда очень смелая. И с-скромная.

Я рассмеялась относительно последнего утверждения и тут же решила устроить дискуссию:

— Хочешь сказать, ты бы струсил? Бросил бы мальчишку тонуть?!

— Н-не б-бросил бы, н-но...

— Что ещё за «но»? Струсил или нет?

— П-позвал бы на помощь, — едва слышно отозвался Вальдемар.

— Значит, струсил! Да, это тебе не птичек кормить! — разочарованно фыркнула я, отвернувшись спиной и засеменяв вперёд. Терпеть не могу трусов!

— Я н-не умею п-плавать, — сокрушённо и стыдливо признался велосипедист.

— Во дела! — тут же подскочила я, пристроившись рядом на узкую тропинку. — Ладно. Допустим, мальчишка застрял бы в сугробе или примёрз языком к железным качелям. Помог бы?

— Ну, т-тогда д-да. К-конечно!

— Ну вот, а я тебе про что? А как же ты плавать-то до сих пор не научился?! Живёшь ведь не абы где, на Волге! — с удивлённой усмешкой интересовалась я, облегчённо отмечая, что идти до поляны остаётся совсем недолго. Так не терпится начать урок!

— С-сам не знаю...

— Могу как-нибудь поучить? Хочешь?

— Н-ну-у можно, — смущённо потянул Вальдемар. — Т-только «как-нибудь» не н-надо. Н-научи хорошо! Очень уж утонуть н-не х-хочется.

— Замётано! Неделя-другая — и сделаем из тебя Ихтиандра⁴, — рассмеялась я.

— О, да это же одна из м-моих л-любимых книг!

— Ну вот! Тогда тем более надо учиться!

— Ага! У м-меня и родимое п-пятно есть. Н-на плече! С-совсем как у н-него!

— Прямой нос, тонкие губы. Только жабр не хватает, — усмехнулась я, разглядывая миловидного попутчика, которого, ввиду схожести с земноводными, уже смело можно называть и амфибией. Удивительно, как Лягушонок до сих пор жил только на суше. — Так и не дочитала. Не люблю научную фантастику. Лучше что-нибудь правдивое, житейское, с юмором.

— Прямо как б-брат. Р-рассказать, чем з-закончилась? Ему рассказывал.

— Не надо. Книжица небольшая, а я уже с месяц никак не могу дочитать. Стыдно. Хотя... Скажи, та красавица...

— Гуттиэре.

— Точно! Она сбежит от жадного капитана?

— Угу. Разведётся.

— И останется с Ихтиандром?!

— Они...

— Нет, нет, не отвечай! Думаю, с тем, другим... Как его... С Ольсеном! Так больше похоже на правду. Всё-таки Ихтиандр — другой вид.

— Н-но разве он не з-заслуживает с-счастья?! По мне, т-так б-больше остальных.

— Не спорю. Но у него с самого начала всё пошло наперекосяк. Этот экспериментатор-доктор, лишивший возможности быть таким, как все.

— Н-но, ведь тот опыт с-спас ему жизнь!

— А заодно утолил научное любопытство этого безумного учёного.

— Хм. И п-правда. Об этом я к-как-то не п-подумал.

— Ну вот! К тому же он отрезал мальчика от мира людей и скрыл правду о родном отце! Дальше судьба свела беднягу с капитаном «Медузы», обманом заковавшим парня в цепи и заставившим нырять за жемчугом. Они оба использовали Ихтиандра в своих целях, а он подчинялся.

— Он в-верил в добро и честность! П-потому что был д-добр и честен сам!

⁴ Ихтиандр — главный герой научно-фантастического романа Александра Беляева, написанного в 1927 году о человеке, способном жить под водой.

— Вот именно. Но даже если в книге всё закончилось хорошо, в жизни такой наивный идеалист наверняка в два счёта утратил бы веру в людей и озлобился. И из морского дьявола, эдакого Робина Гуда, стал бы дьяволом настоящим.

— В-выходит, в жизни побеждает з-зло?! — с удивлённым возражением спросил Вальдемар.

— Конечно, нет! Но вряд ли, пережив столько злключений, он остался бы таким же добрым, справедливым и честным.

— Н-но он им остался! И если б-бы его история б-была правдой — уверен — она з-закончилась б-бы т-точно т-так же!

— Значит, будем брать пример, — резюмировала я, отметив небывалое воодушевление новоиспечённого приятеля. Видимо, в юном Ихтиандре, Вальдемар узнаёт самого себя! Что ж, в таком случае, из него наверняка выйдет образцовый член общества. В отличие от меня, перво-наперво представившей превращение в дьявола в целях расплаты с обидчиками. — Давай остановимся здесь! Пригорок на вид вполне мягкий.

— П-похоже, что да, — с улыбкой в голосе отозвался Вальдемар, до сего момента ни разу не взглянувший мне в глаза. Очевидно, этому скромнику очень нелегко заводить знакомства и, похоже, кроме вредины-брата решительно не с кем провести время. Завтра же устрою ему встречу с ребятами. Уверена, они подружатся! А я в это время буду наматывать километры по Энгельсу на новеньком велике!

Вальдемар покрутил гайку хомута, ослабил его и задвинул подседельный штырь до самого низа, а затем робко кивнул на длинный подол моего наряда:

— Наверное, б-будет неудобно.

— Не будет! — резко стянула я юбку, под которой скрывались короткие шорты для гимнастики.

Парнишка смущённо отвернулся.

— Ты чего, впервые видишь девчонку в спортивной одежде?

— Н-нет, н-но...

— Вчера, когда увидел без неё вовсе, не больно-то разбежался покидать «наблюдательный пункт», — смеясь, съязвила я.

Как всегда краснеет! Это так забавно.

— Да ладно тебе! Будь я на твоём месте — тоже бы поглазела на какого-нибудь паренька, — принялась фантазировать я о том, как рассматривала бы из-за кустов или с дерева хотя бы, к примеру, его самого. Ни разу не видела ребят без плавок или исподнего. Разве что малышей. Ощувив внезапный стыд, я резко умолкла. Почти через минуту нашего неловкого молчания, нервного срывания травинки и разглядывания земли Вальдемар, наконец, поднял глаза и собранно проговорил:

— Я ч-чуть н-нагну его. Вот т-так, — он слегка опустил веломашину на бок и еле слышно добавил: — Иначе не з-залезешь. Т-ты т-такая маленькая.

— Фи, маленькая! Просто ты каланча. Семафор⁵, не иначе.

Новый приятель обиженно поджал губы.

— Ну, ты что?! Я же шучу. Чего такой обидчивый?!

— Рост — б-большое место.

Очередное! Сколько же их у этого кисейного немчика?! И разве высокий рост для них не норма?

— Какая чепуха! Мама говорит: высокий — значит видный. А тётка как-то сказала, что девочкам нравятся высокие ребята!

⁵ Семафор (фр. Semaphore, от греч σημα — знак, сигнал и φορός — «несущий») — механическое средство сигнализации для подвижного состава на железных дорогах.

— Im Ernst?! П-правда?! — просиял он и едва слышно спросил: — И тебе?

— Мне — нет. Ладно, давай, что там дальше?

Вальдемар, снова поджав губы, принялся показывать, как сесть.

— Вот т-так. Сзади. А п-потом я п-приподниму.

Упираясь ногой в землю, я уселась, и он поднял веломашину.

— Ай-ай... страшно! И правда, высоко.

— Н-не бойся, д-держись за меня и крути п-педали.

Я ухватилась за его лежащую на руле руку, и он снова покраснел. Да что же за напасть?! Но я не могу не держаться. Не хочу вот так сразу свалиться, не проехав и нескольких метров. Некоторое время он рулил, а я от страха то и дело уводила руль в сторону, неумело балансируя на сиденье. Потом, отпустив руку Вальдемара, стала пытаться сама направлять веломашину.

— Хочу рулить!

— Ещё рано.

— Уже пора.

— Свалиться?

— Пусти! Надо набить своих шишек.

Вальдемар постепенно отпустил руль, продолжая идти позади.

— Н-неспеш!

— А! Ух! Как здорово! — завопила я от восторга и, не сумев поймать баланс, вильнула в сторону, упала на бок и ударилась об раму. Травяной ковёр смягчил удар оземь, но грудь заныла от ушиба об металл.

— Н-ну вот!

Юноша собирался помочь мне подняться, но я быстро вспорхнула, чтобы снова не стать причиной его смущения.

— Всё хорошо! Я упрямая! Просто так не сдамся! — выпалила я, ощущая притуплённую боль в подреберье.

— Отдохни. П-попробуй просто покатать его по полю. П-привыкни к его д-движению, к в-весу, к р-рулю.

— На это нет времени, — подняв велосипед, я попыталась усесться на сиденье.

— Упрямая, но т-торопыга! Отец г-говорит: терпением в-всякое д-дело одолеть можно.

— Может, и можно. Вот только терпение и испытать-то не на чем. Велосипеда у меня, скорее всего, никогда не будет.

— П-почему?

— Догадайся с трёх раз!

Как можно не понимать таких вещей?! По мне же очевидно, что голодранка. Но, видимо, сытый голодного не разумеет.

— Н-ну, серьёзно!

— Потому что дорогой. А денег у нас нет!

— Н-ну хочешь, завтра п-попробуем ещё? И п-послезавтра, — робко предложил парнишка. — Б-будешь к-кататься, пока не н-научишься. И п-потом. Сколько з-захочешь.

— Сколько захочу?! — не поверила своим ушам я. — И тебе не жалко?!

— Нет! В-впереди целое лето! Н-накатаемся!

— Как здорово! Спасибо! Ты такой добрый!

Мой новоиспечённый учитель велоезды, пряча взгляд, смущённо улыбнулся, по обыкновению прикрыв губы рукой. Что же он там всё время прячет? Не иначе как беззубый! То-то и речь иной раз хрен разберёшь. — Значит, завтра на том же месте, в тот же час?!

— Д-давай!

В таком случае пока не буду знакомить его с товарищами. Вдруг они тоже захотят поучиться, и тогда плакали мои покатушки.

— Только надень трусы для плавания. Не будь как я, — намеренно смутила его напоминанием. — Поедем на Сазанку. Учиться!

Вальдемар быстро закивал головой, по-прежнему не глядя в глаза. Я слишком бесцеремонная с этим тихоней, а ещё у меня что-то с ногами — он то и дело на них таращится.

— Чего смотришь? Грязные?

— Н-нет, — он резко поджал губы и уткнулся глазами в пёстрый цветочный ковёр.

Может, кривоваты? Хотя никто раньше этого не говорил. Назад мы отправились другой дорогой, но по-прежнему пешком, а дома я не давала матери прохода, спрашивая, не кривые ли у меня ноги.

Глава 3 — Не повторять!

На следующий день, надев старенький плавательный костюм, доставшийся от двоюродной сестры, и соврав маме, что иду купаться с Алей и Алёной Бобровыми, я отправилась на центральную площадь. Там меня уже ждал сиявший в солнечных лучах красавец «Дукс» в придачу со снова кормившим птиц водителем. С улыбкой до ушей я перемахнула через дорогу. Вальдемар тоже улыбался, как и всегда, прикрывая губы рукой.

— Привет! Ну что, готов? Тонуть не будешь?

— Привет. Если т-ты не б-будешь п-падать! — шутливо отозвался он, высыпав остатки семечек из бумажного свёртка на мостовую.

— Ох, сколько же они теперь нагадят! — вздохнула я, окинув взором добрую сотню прожорливых птиц.

— Не м-могу оставить их без обеда, — отозвался Вальдемар.

— А дворников без работы, — не удержавшись, съязвила я, а паренёк тут же надул губы. А меня даже забавляет эта обидчивость. Он быстро отходит, а значит, скоро привыкнет и перестанет дуться по пустякам.

Я привязала к раме маленькую подушку, предусмотрительно взятую из дома. Посиневший зад явно не выдержал бы второго дня пыток. Тем более — изобилующую ухабами дорогу до Сазанки. Сесть на раму получилось уже гораздо быстрее. Однако подушка не шибко помогала. Но делать нечего — мы двинулись в путь. Ближе к лесу за руль села я, а Вальдемар по-прежнему придерживал «Дукс», страхуя от падения. Это снова немного злило и через какое-то время я резко ускорила, быстро оставив хозяина веломашины далеко позади. Неумело крутя педали, я разгонялась всё сильнее и сильнее, ощущая нечто странное, похожее на лёгкий страх, вперемешку с восторгом. Это упоение от скорости и свободы ни с чем нельзя сравнить! Внезапно я заметила впереди на тропинке корягу и, вместо того чтобы чуть затормозить и объехать препятствие, растерялась, продолжая нестись вперёд. Шмяк! И вот я уже лежу в растущих у тропинки колючках, а с противоположной стороны, с выкрученным рулём, валяется велик. Что я наделала?! Сломала чужой велосипед! Быстро вскочив, но тут же ощутив боль и пощипывание содранных коленей, я поковыляла к веломашине.

— Вальдемар, прости! Сломала... сломала твой велосипед!

— Лиза! Лиза, т-ты цела?! Очень б-больно?! Т-ты х-хромаешь! Вон к-кровь!

— Руль он... свёрнут! Что делать?!

— Оставь его! Есть к-ключи. А вот аптечки... аптечки н-нет.

Вальдемар растерянно глядел то на меня, то на грязные колени, то по сторонам, совершенно не зная, что делать.

— Ну, чего смотришь?! Доставай ключи и чини! У меня пара царапин. А боль, похоже, от ушиба. Накаталась. А ведь он так долго объяснял мне, как тормозить педалями и ручными тормозами-клещами. Эх... Но я, как обычно, торможу исключительно мозгами. Ну и коленями.

Хозяин быстро подкрутил нужные винтики, и веломашина снова заработала, как ни в чём не бывало. Чего не скажешь о моих едва сгибавшихся и нивших ногах.

— М-может, отвезти т-тебя д-домой?

— Я сказала матери, что иду купаться на озеро. А вернусь с сухими вещами и грязными коленями? Не пойдёт! И потом — уговор есть уговор. Тебя ждёт урок плавания!

— Ну как з-знаешь.

Мы подъехали на то же место, где два дня назад состоялось нежданное знакомство. К полудню там совершенно безлюдно. Как раз то, что нам нужно! Вальдемар наверняка стеснялся бы учиться на глазах у всяких зевак. Я быстро сняла платье и вопросительно уставилась на по-прежнему одетого приятеля.

— Ну, раздевайся! Чего стоишь?

— Я т-так.

— Одетым? А потом замёрзнешь. Заболеешь!

— Не з-заболею.

— Заболеешь — не спорь! Забыл плавки? Купайся в исподнем! Потом снимешь и высушишь.

— У-у-у, — поморщился Вальдемар.

— Это из-за того, что назвала костлявым? — сокрушённо предположила я.

Паренёк пожал плечами.

— Точно. Из-за чего же ещё?! Но ведь это ерунда! Ты повзрослеешь. Возмужаешь. И когда твоя невеста, боже упаси, будет тонуть — без труда сможешь вытащить её из воды.

— С-скорее она м-меня, — процедил мой излишне стеснительный товарищ.

— А если её не окажется рядом? Или она тоже не будет уметь плавать?!

— З-значит, я обречён.

— Дудки! Учись! А раз уж будешь плавать так — я тоже оденусь. Заболеем вместе! Мне, знаешь ли, не очень-то охота ждать, когда ты выздоровеешь, и я опять сяду на велик. Лучше уж тоже поболеть. Заодно отдохну от поливки и прополки огорода. А мать, в кои-то веки, будет нянчиться со мной, а не с сестрой.

— Т-так т-ты, и так, не сядешь на в-велик. П-пока не п-пройдут коленки.

— Сяду! Спорим? Завтра же буду кататься!

— Ну, точно В-вилл! Т-тот т-такой же с-самонадеянный! И в-вечно н-норовит затеять с-спор.

— Фи. Так что, мне одеваться?! Или ты, наконец, снимешь своё тряпье, и мы нормально искупаемся?! — решительно дёрнула я упряма за рукав. — И вообще, почему это ты видел меня нагишом, а я тебя увидеть не могу?! И даже не нагишом, а в плавках! — возмущённо выпалила я, под конец всё же изрядно смутившись.

Вальдемар покраснел и съёжился.

— Ты просто до невозможности стеснительный! — хихикнула я. — Нужно быть смелее. Ладно, давай так: я отвернусь, а ты разденешься и зайдёшь в воду. И на берег выйду первой, и тоже не буду смотреть.

— Обещаешь?

— Клянусь больными коленками!

— Х-хорошо.

Я отвернулась, вслушиваясь в едва слышные всплески воды. Вряд ли он предполагал, что она такая «тёплая». Но делать нечего. Признать, что слабо — слишком уж стыдно!

— Зашёл?

— Угу.

— Как вода?

— Н-нормальная, — с явным сомнением в голосе крикнул горе-ученик.

— Ага! Так и поверила! Уже слышу, как стучат твои зубы!

— Не с-стучат!

— Иду проверять!

Я с хохотом ринулась к Сазанке, глядя на торчащую из воды сморщенную от холода физиономию. А вот я ни за что не стану корчиться. Даже из-за больных коленок! Я же не какая-нибудь неженка вроде этого мальчишки. Ледяная вода тотчас заколола кожу, а чуть успокоившиеся царапины защипали с удвоенной силой. Ничего! Сейчас начнём урок плавания и обязательно согреемся, а я забуду о боли.

— Далеко зашёл! Тебе по шею, мне с головой. Подойди! Покажу, как двигать руками.

— С-сама п-подплыви — я увижу, — застыв столбом, отозвался мой немецкий товарищ.

— Ладно! А это за непокорность! — подплыла и резко окатила его волной я.

— Что ты д-делаешь?! — рассмеялся он, снова прикрывая рот.

— Иди к берегу! А то получишь ещё! — хохотала я, пытаюсь плыть и брызгаться одновременно.

— В-вот т-тебе, — слегка окатил меня он. Ну вот, другое дело! Наконец-то немного ожил. Мы смеялись и дурачились, пока вместо боли в коленях я не ощутила, как покалывает от смеха живот, а Вальдемар, наконец, не позабыл о своём нелепом стеснении. Я то и дело стала замечать немного детскую улыбку, которую он не успевал или забывал прикрывать. А с зубами у него всё вполне нормально! Только зря мается дурью. А ещё я уже несколько раз видела появляющуюся из-под воды угловатую фигуру. И, как оказалось, у этого каланчи довольно широкие плечи! А значит как в поговорке: «были бы кости, а мясо нарастёт».

Насилу сдерживая очередной приступ хохота, я нарочито серьёзным тоном объявила:

— Звонок на урок, товарищ Вальдемар!

— А можно прогулять? — непривычно уверенно произнёс он без единой запинки. Не стану заострять внимания. Посмотрим, что будет дальше.

— Нет, нельзя! Ты же не я. А примерный мальчик! Погоди-ка, — произнесла я, придумав красивое начало своего урока и быстро поплыв к другому берегу.

— Ты куда?! Б-бросаешь?! А если утону?!

— Стой на месте, дурачок! Не утонешь!

Доплыв до противоположного берега Сазанки, я сорвала три жёлтых кувшинки и вернулась, протянув своему ученику букет.

— Это тебе, — с непривычным для самой себя смущением выдала я, заметив «Ихтиандровское» родимое пятно на его плече. Перевернутая тrefа. Забавно. — В следующий раз цветы даришь ты!

— Хорошо, — усмехнулся он, снова прикрыв губы, и осторожно взял из моих рук кувшинки.

— Послушай, хватит всё время прятать улыбку! Я её уже заметила. И она очень даже ничего! — снова неловко проговорила я, осознавая, что мне она действительно понравилась. — Не понимаю, чего стесняться?!

— К-кривых з-зубов.

— Да что ты?! И где же?! — я подплыла поближе и уставилась на его плотно сомкнутые малиновые губы. — Ну! Покажи!

Вальдемар натянуто оскалился и ткнул пальцем в нижний ряд, где был один-единственный, едва заметный, слегка кривоватый резец. Знал бы он, что я в очередной раз уже успела нафантазировать!

— И только-то?! — рассмеялась я. — Какая пустяковина!

— Но у брата...

— Да что ты всё с этим братом! Вы разные люди и, слава богу. Как я поняла, он тот ещё засранец. И не важно, какие у него зубы. Станет старым, всё равно выпадут!

— Идеальные. Как и он с-сам, — сокрушённо признал Вальдемар. Откуда эта пришибленность? Наверняка всему виной этот «идеальный» братец. Уже охота навешать ему увесистых оплеух!

— Не верю! Тебе так кажется, потому что он твой брат. А для остальных он, сто пудов, самый что ни на есть обыкновенный.

— Нет! Он не п-похож ни на кого. А ещё он очень умный.

— Ну и чёрт с ним! Представляю, какой зазнайка и зануда. Знаю я таких. С ним же сохнешь от скуки! — отчаянно принялась поддерживать товарища я. — А с тобой... с тобой очень даже весело.

— Ist es wahr?! — взволнованно отозвался он, впервые глядя точно мне в глаза.

— Я не понимаю! Говори по-русски.

— П-правда весело?! — неловко переспросил он.

— Ещё как! От смеха скоро живот лопнет, — чуть слукавила я, и тут же заметила его странный, пристальный и непривычный взгляд.

— Что? Что такое?! Почему ты так смотришь?

— Можно? — потянулся он к моим волосам и осторожно поочерёдно продел в одну из запутавшихся кос жёлтые, водяные цветы.

— Что за ерунда?! — рассмеялась я. — Слишком тяжёлые стебли. Болтаются сзади, как прутья. И выпадут сразу, как начнём урок. И, между прочим, нам давно пора.

Не мешкая, я стала показывать Вальдемару движения рук, а он неуклюже и очень смешно повторял за мной. Кувшинки, как я и думала, выскользнули и расплылись по сторонам, мелькая то там, то сям, гонимые нашими водными практиками. Но сколько я ни пыхла, пытаюсь обучить этого товарища, всё казалось совершенно бесполезным. Он упорно продолжал вдыхать воздух с водой, захлёбывался и кашлял. А ещё то и дело жаловался на пробки в ушах и, повторяя за мной, прыгал, поочерёдно наклоняя голову в стороны. Кажется, я имею дело с бревном. И родимое пятно, ёлки-палки, ни хрена не помогает! Похоже, чтобы сделать из этого полена Ихтиандра, придётся и впрямь пересадить ему акульки жабры. Где ж их, интересно, взять?!

— Знаешь, некоторые из моих друзей научились, только когда их швырнули на глубину. Я могла бы тебя столкнуть! На Ставке крутой берег.

Вальдемар испуганно округлил глаза.

— Тогда попробуй прыгнуть сам. На Банном есть дерево с верёвкой. Я была бы наготове и, если надо, спасла бы! — с торжественным благородством предложила я и лёгкая усмешка тронула губы. — Так как?

Ученик безынициативно пожал плечами, очевидно, хлебнув страха и от одного, и от второго варианта, но, тут же напустив невозмутимый вид, поинтересовался:

— Сегодня?

— Да хоть сейчас! Айда на берег?!

— А может, ещё немножко п-подурчимся?

Само собой! Так хочется отсрочить момент собственного позора. Я была гораздо смелее, когда ещё лет пять назад попросила Мишку толкнуть меня с верёвки на Банном.

— Уверен?! — приближаясь к берегу, переспросила я, соорудив зловещую гримасу.

Вальдемар, слегка недоумевая, кивнул.

— Ну, держись! — тут же крикнула я, добавив про себя «трусишка» и, схватив здоровенный кусок тины, швырнула его в нерадивого ученика.

— В-вот значит как?! — воскликнул измазанный илом паренёк и, окончательно забыв о стеснении, ринулся к берегу за порцией тины для меня.

Мы принялись отчаянно швыряться друг в друга илом и водорослями. Огромный кусок метко брошенной мной тины повис на мокрой чёлке Вальдемара. Тот слегка стряхнул волосы, забыв сполоснуть лоб. Ну, точно вылезший из воды лягушонок. Не могу перестать смеяться. Вот теперь точно лопну. Господи, мой живот, ай-ай! Недоумевающий товарищ швырнул в меня очередной пучок тины, угодив в и без того запутанные волосы.

— Я кикимора! Бу-у-у!!! — хохотала я, не в силах сказать ему, чтоб посмотрел на себя. Он хохотал вместе со мной, окончательно перестав смущаться. Насилу успокоившись, Вальдемар, с какой-то особенно глупой улыбкой проговорил:

— Не думал, что когда-нибудь буду проводить время с девчонкой! И так весело! Брат второй день подряд говорит, что сочиняю. Про тебя.

— Ну и дурень! У меня полно друзей мальчишек, — всё ещё посмеиваясь, отозвалась я, принявшись вымывать тину из волос. — Что тут такого?!

— Полно?!

— Ну да. Рыбачим, играем в салки, в жмурки, в лапту, спорим, таскаем папиросы, хулиганим — да что только не делаем. Вот подожди — я вас познакомлю! У меня и подружки есть. Найдём тебе невесту — брат вообще от зависти лопнет! Посмотри, — указала я на волосы, — всё смыла?

Вальдемар робко потянулся к прядям и бережно расплёл косы, осторожно вытаскивая тину:

— Надо промыть ещё.

— Хорошо. Только давай отплывём подальше. Мы перемутили тут всю воду!

Он кивнул и пошёл вслед за мной, плывущей вперёд в сторону плакучей ивы, склонившей ветви до самой воды. Оказавшись под сенью дерева, я нырнула с головой и на некоторое время задержалась под водой, тщательно ополоснув густые пряди. Вынырнув, я тут же рассмеялась над своим испуганным учеником.

— Н-никогда так н-не делай!

— Не бойся, я отлично плаваю! Вот научишься и будешь пугать меня ещё больше! — снова захохотала я, глядя на его чёлку и лоб.

— Значит, уже пугаю?!

— Ещё как! Ах-ха-ха!

— Ну чего ты так смеёшься?! — немного обиженно спросил горе-пловец.

Вместо ответа я внезапно икнула. И мы оба стали смеяться ещё громче. Потом икнул и он. И хохот продолжился с удвоенной силой.

— Ну, нырни! — едва дыша от смеха, выкрикнула я. — Ах-ха-ха! Тебе тут... мелко. Ик... Ха-ха... Просто не разевай рот, а удержи... дыхание и... Ик... окупись. Заодно и икота, ик... прекратится.

— А-ха-ха-ха! Ик... Не прекратится.

— Ну, попробуй! Представь, что ты... ик... Ихтиандр!

— Ик! Ихтиандр! Ик... А-ха-ха-ха!

— Ой! Не могу! Ик... Умора! Ну, нырни! И посчитай хотя бы... ик... до десяти. Только не быстро.

— Неа!

А зря! Наконец, смыл бы эту зелёную дрянь. Сколько мне ещё надрывать живот?! И без толку задерживать дыхание.

— Ик... Никогда в жизни так... Ик...

— Не икал?

— Ах-ха-ха. Не смеялся!

— И я! Всё, не могу! Иди сюда! Ик... Ах-ха-ха... А то лопну, — заливаясь смехом, я схватила его за руку. - Это давно надо было смыть.

— Тоже тина? Ик... Ха-ха.

— Лучше! У тебя на лобешнике... Ик... Х-ха-х... до сих пор висит... огромный... Ик... кусок мха! Как сопля... Дли-и-и-инная, зелё-ё-ё-ная и скли-и-и-и-зкая... Фу... Ик!

— Ах-ха-ха! Вот ме-е-ерзость!

Вальдемар наклонился, пытаясь рассмотреть в уже успевшей помутнеть воде своё отражение.

— Приляг сюда! Давай уберу, — протянула я руку.

Он послушно опустил на воду, слегка боязливо опираясь на меня. Я быстро смыла с его лба тёмно-зелёный комок и, погрузив пальцы в мягкие волосы, легонько прополоскала их от остатков водорослей. Взгляд Вальдемара показался непривычно красивым. Зелёные глаза, отражая голубой небосвод, напоминали море с картин Айвазовского. Веснушки и брызги воды на коже в солнечных лучах казались россыпью золота. А растянувшиеся в робкой улыбке ярко малиновые губы походили на лепестки тюльпана. Дыхание перехватило само собой, и, судя по

тому, что он тоже больше не икал, не у меня одной. Внезапно захотелось кое-что проделать. Я ни разу не делала этого ни с кем. Только как-то прочитала в книжке, а потом случайно подсмотрела в парке, когда влюблённая парочка не заметила, что ошиваюсь там в полумраке.

— Можно кое-что попробовать?

— Что? — мирно лёжа на моей руке, спросил Вальдемар, глядя наивными лазурными глазами.

— Твои губы.

— Was?! — взволнованно дёрнулся он, и тотчас погрузился подбородком в воду, спрятав манящие лепестки тюльпана.

— Не хочешь... — сокрушённо вздохнула я, а Вальдемар робко приподнялся.

— Я н-нираз-зу эт-того н-не д-дел-лал, — заикаясь значительно дольше обычного, отозвался он и снова спрятал губы под воду.

— Я тоже, не подумай... Но, наверно, ты прав. Раз мы оба не умеем — лучше не стоит.

— Н-нет! Д-дав-вай, — неожиданно согласился он, приподнявшись и вытянув лицо ближе к моему. — Д-даж-же б-брат не...

— Отлично! Расскажешь ему! Пускай завидует! — решительно отозвалась я, и тотчас наклонившись, коснулась мокрых малиновых губ. Он задрожал. Зачем их сжимать?! И они просто жуть какие холодные! В книге всё было совсем наоборот. А ещё, как я поняла, поцелуй должен быть спонтанным, а не так, как у нас. Но это, наверное, только у тех, кто хорошо умеет. И девушку целовал парень. И в парке тоже. А не наоборот. Но мой товарищ по эксперименту слишком робок для подобного, а ещё он замёрз. И не только он!

— Пойдём на берег, — прервав неудавшийся поцелуй, кивнула я на поляну под ивой.

Забыв о том, что одет в одни лишь плавки, Вальдемар устремился за мной и неуклюже вышел из воды. Какой же он всё-таки длинный! Выше меня головы на две. А ещё сутулый, тощий и жутко нелепый! А я просто дура! С чего вообще вздумала делать это именно с ним?! С другой стороны, не могла же я пробовать такое с Мишкой, Андреем или Ваней?! Они мне как братья! Как потом смотреть в глаза друг другу?! В школе, на рыбалке, на кружке стрельбы, на улице... Как видеть их родителей?! Стыдоба, ёлки-палки, натуральная стыдоба! А этот Лягушонок — он просто летний знакомый. Наши родители совершенно точно не знакомы, и, когда закончатся каникулы, мы вряд ли продолжим видеться. Он, очевидно, продолжит ходить в свою — немецкую школу, а я — в свою. И, судя по вечной стеснительности и правильности, этот увалень будет молчать. Да и кто ему поверит, если даже родной брат принял за выдумщика?!

— Ложись, — подозвала я Вальдемара, опустившись на мягкую траву под ивой.

Он плюхнулся рядом подобно мешку картошки. Мурашки тотчас покрыли тело. Волнение, прохладный ветерок и непрогретая земля в тени дерева — то ещё сочетание. Если обняться, должно стать теплее. Я придвинулась и опустила на его холодную и ужасно костлявую грудь, робко прикоснувшись к плечам. Мой неопытный приятель громко сглотнул комок волнения и настороженно замер, продолжая слегка подрагивать.

— Можешь меня обнять, — дала разрешение я, ощутив, как он с медленной опаской положил на мою спину будто бы налитую свинцом руку. Вот вам и кожа да кости! Дышать стало ещё труднее. Да, я тоже очень волнуюсь, но ещё больше злюсь и не могу понять, почему приходится едва ли не всё делать самой и объяснять что да как?! Ладно, ничего не поделаешь. Я хочу научиться! Чтобы потом, когда встречу того самого, ощутить что-то невероятное! Да-да, это непременно должно быть что-то особенное, незабываемое! Неспроста же даже просто читая об этом, чувствуешь, как замирает сердце! И если все парочки украдкой это делают, значит, и мне обязательно захочется повторять всё снова и снова. Разумеется, не с Лягушонком! Это только в сказках. Да и то удел Иванов-царевичей или Иванов-дураков.

— Продолжим?

— Угу.

— Только не сжимай их. Разомкни и держи приоткрытыми! Так было в книге.

— Т-так? — медленно разомкнул он дрожащие, синеватые губы со странным бугорком сверху. Как я сразу не заметила этой несуразицы?!

— Вроде того. А ещё надо закрыть глаза! — процедила я, про себя добавив: «А не тарашиться, как баран на новые ворота».

— Х-хорошо, — тут же зажмурился он. Ну и гримаса! Будто приготовился выпить противную микстуру. Чёрт с ним! Я и сама не в восторге от происходящего. К тому же тоже должна закрыть глаза. Я вдохнула, опустила веки и с твёрдым намерением снова повторить свой эксперимент, решительно приблизилась к его губам. Внезапно из леса послышались глухие мужицкие голоса.

— Вставай скорее!

Вскочив, мы оба ринулись к тому месту, где оставили вещи. Густые пролески некоторое время скрывали ещё не одевшихся нас от неожиданных визитёров. Мы быстро облачались в сброшенные не менее часа назад вещи, пряча друг от друга глаза, и то и дело опасно косились на вышедших к берегу трёх мужиков с сетями. Вот тебе и «июнь – на рыбу плюнь». Нас, как назло, почти сразу заметили, и самый старый — лет шестидесяти или около того, с суровой физиономией, направился навстречу. Вот позор! Сейчас точно начнёт спрашивать, чем мы тут занимались, и читать ижицу! Ещё, чего доброго, начнёт наводить справки кто такие, а потом искать родителей и жаловаться!

— Чего ждёшь? Поехали! — слегка толкнула я застывшего Вальдемара, и он, быстро сев за руль, увёз нас вглубь чащи.

Спустя минуту или около того меня охватил приступ странного смеха, на что Лягушонок сперва молчал, но, в конце концов, не выдержав, раздражённо спросил:

— Разве это с-смешно?!

— А разве нет?! Только я могла попасться на пустом месте и едва не получить нагоняй ни за что!

Я хихикала ещё некоторое время, а Вальдемар едва ли не до самого конца пути не произнёс больше ни слова. Кроме неловкости за хохот невпопад и снова занывших коленок, я ощущала какой-то особенный, странный стыд. То ли из-за того, что к нам шёл этот дед, или из-за того, что вообще затеяла всё это. А может, потому что всё вышло совсем иначе, чем представлялось. А точнее, едва ли вышло вовсе. Не слушающиеся от холода губы, его дрожь и наивно-напуганная физиономия. Он будто только вчера вылутился из яйца. Вернее, претерпел превращение из головастика. А тут на тебе — давай целоваться! А может, и я со стороны выглядела не намного лучше. А тут ещё и эти треклятые рыбаки — заявили на самом интересном месте! Вдруг во второй раз всё получилось бы как-то попонятнее. Хочу ли я это повторить? Ни капельки! Не думала, что такое весёлое времяпрепровождение в воде будет так бесповоротно испорчено этим провалившимся экспериментом. Как будто теперь у нас появился какой-то неприятный секрет, о котором не хочется вспоминать. И, судя по тому, что Вальдемар молчит — думает он, вероятно, то же самое. При въезде на мою улицу мы скомкано попрощались, толком не договорившись о следующей встрече, и я, прихрамывая, поковыляла домой.

На следующий день около полудня, устав наблюдать со скамейки, как друзья играют в салки во дворе у Черных, я предложила прогуляться до Коммунарной площади и показать им владельца той самой чудо-веломашины, благодаря которой сегодня прихрамываю, будто древняя старушенция. Вальдемар вчера невнятно обмолвился, что снова будет там в это время. И раз кататься мне пока не желательно, то пусть хотя бы товарищи посмотрят, а может, и опробуют его замечательную веломашину. Чего добру пропадать? Лето ведь хоть и длинное, но не бесконечное. К тому же будет интересно, сможет ли он подружиться с ребятами и стать

хоть немного смелее. А ещё интереснее узнать, как быстро это произойдёт. Неужто и за лето не управимся?!

Вальдемар стоял на углу площади, скармливая парочке бездомных собак какие-то мясные объедки, аккуратно завернутые в газетку. Вот сердобольный! И, судя по стае пернатых, оживлённо клевавших что-то на аллее в противоположной части улицы, его внимание не обошло и их. А мне, наконец, удалось познакомиться паренька со всей своей компанией, кроме Бобровых. Они, к моему разочарованию, уже уехали на лето к бабушке, в соседний посёлок Анисовку, помогать в колхозе, как было заведено каждый год. Знакомство состоялось вполне успешно, и мы с друзьями стали регулярно гулять с Вальдемаром Гессом. Вернее, с его велосипедом. Через пару дней колени благополучно ожили и, спустя ещё одно, на сей раз совсем пустяковое, падение, мне, наконец, покорился железный конь. Вот только теперь, чтобы заполучить его хотя бы на пару минут, предстояло победить в жеребьёвке и сбегать на кого-то временами шкодливую сестрицу. Ещё мы с новым другом много фотографировались и снимали городские пейзажи. Он проявлял фотокарточки и приносил нам. Правда, из-за съёмки без штатива, таскать который, желающих было крайне мало, многие кадры получались не слишком удачными. Зато всё было бесплатно, в то время как на поход в ателье или покупку открыток ни у меня, ни у ребят, само собой, не было денег. Конечно, Вальдемар то и дело просил нас бережно относиться к фотоаппарату. Особенно переживал он за объектив и затвор, постоянно повторяя, что это самые дорогие детали. К счастью, ни «Дукс», ни «Фотокор» от наших рук серьёзно не пострадали и, вероятно, в качестве поощрения за дисциплинированность, Гесс периодически подкармливал нас, принося из дома хлеб с сахаром. Как-то даже приволок два кармана леденцов! Втайне от взрослых, паренёк приносил нам и отцовские папиросы, мало-помалу начав курить вместе с нами.

Между тем, у нас в компании сплошняком пошла жеребьёвка: разыгрывались поездки на веломашине, лучшие снимки, конфеты, открытки, марки, цветы и фрукты из сада Гессов и много, много самых разных вещей. Иногда, когда мы слишком друг друга допекали, в ход могла пойти даже рогатка. И тут, вполне неплохая меткость, развитая в кружке по стендовой стрельбе при школе, не раз обеспечивала меня всякими вкусностями и интересностями. Но, несмотря на мелкие недоразумения, мы никогда не ссорились по-серьёзному и не обижались друг на друга дольше нескольких минут, а Вальдемар в два счёта влился в нашу компанию. Мы здорово проводили время, играя в догонялки, прятки, салки и лапту. Вальди стал совсем другим: весёлым и разговорчивым, и, к нашему всеобщему восторгу, порой почти переставал заикаться. В нашей компании раньше не было немцев, и школа у них была отдельная, но как оказалось, они совсем не кусаются. Всем двором мы резвились до позднего вечера, боясь попасться на глаза родителям, чтобы те не загнали домой. Часто проводили время на Волге, прыгая со старого трапа, напротив которого жил дядька с чудаковатым сыном, над которыми мы посмеивались. Взрослые же чаще их сторонились, хотя те и были вполне безобидными. С того трапа мы прыгали в воду или рыбачили, сидя на старых, местами прогнивших досках. Плавать Вальди всё же, с горем пополам, научился, но занятие это было ему явно не по душе. Неправильный какой-то Лягушонок и уж точно никак не Ихтиандр. Мы больше ни разу не оставались один на один и не говорили о том дне на Сазанке. И, похоже, он, как и я, никому не рассказывал о своём неудачном первом опыте. Разве что всё же, слегка (или не очень) приукрасив ту историю, прихвастнул неверующему Фоме-братцу. С ним я, к слову сказать, так и не познакомилась. Зато вдоволь наслушалась о нём всякого - от диких восторгов, до нескрываемых осуждений. От этого во мне копилось возмущение и росло желание увидеть этого идеального выскочку.

Наши совместные прогулки с Гессом продолжались до конца июля, пока Вальдемар, со всеми своими поздними гуляниями, подарками, угощениями и курением не был уличён родителями и не оказался наказан посредством отлучения от нашей дружной компании. Как уда-

лось узнать Черных Ваньке и его брату Сёмке, случайно встретившим Вальди с семьёй на набережной, нашему товарищу до конца лета запретили выходить со двора и общаться с нашей так называемой «шайкой-попрошайкой». А вернувшиеся в начале августа Бобровы так и не успели познакомиться с нашим новым, но уже бывшим другом.

Глава 4 — Запретная скрипка

Тем летом состоялось ещё одно знакомство. Я словно до сих пор слышу, как раздался стук в дверь, когда мы с Верой сидели за прописью в комнате. Любопытная сестрица тут же ринулась смотреть, кто пришёл. Быстро вернувшись, она шепнула мне на ушко, что там «какая-то строгая тётя с красивым парнем». Пересилив любопытство, я усадила переполошившуюся Веру на место и продолжила показывать, как пишется буква «я». Пока сестра пыталась правильно и аккуратно вывести линии, я прислушалась к разговору в соседней комнате:

— Не беспокойтесь, Любовь Павловна, я буду предельно строга и требовательна, — с волнением говорила мама.

— Очень надеюсь, что вы меня не разочаруете, Елена Ивановна. Мой сын непременно должен выйти в финал областного конкурса.

— Но музыканты из Саратова...

— Меня это не касается. Это в ваших интересах. Вряд ли в этом городишке, кто-то ещё будет платить вам такие деньги.

— Я... я... сделаю всё, что смогу, — с тем же беспокойством отвечала мать.

— Уже лучше! Желаю успеха!

— Доброго дня!

«Кем возомнила себя эта строгая тётя? Не иначе как Господом Богом? Самоуверенная выскочка! Бедная мама. К тому же, если этот скрипач полный бездарь — ему не пройти и первый этап отбора, будь его учителем хоть сам, земля ему пухом, Паганини!» — кипела я про себя, пока сестра вместо нужной буквы, малевала какие-то странные каракули.

Мама начала урок и закрыла дверь в комнату для занятий. Она всегда так делала, чтобы нам не слишком мешали невыносимо противные «пили!! — пи-и-или!!!» её учеников. Я так и не услышала ни единой фразы от сына строгой тётки.

— Ну что, Верочка, послушаем как будущий финалист, будет нам уши резать?

— Послушаем, — с детской наивностью ответила сестра.

— Жаль, отец так и не укрепил дверь. Уже боюсь за наши барабанные перепонки, — выдала я, пока ещё не понимающей иронии, Вере. - В крайнем случае, на улицу смотаемся.

Что иногда приходилось делать, если музицировали особо «одарённые». Зато, какое отличное оправдание, чтобы улизнуть из дома! Особенно помогает во время учебного года, когда нужно делать бесконечные домашние задания!

Через пару минут, к своему большому удивлению, я услышала не гаммы, а волшебной красивой мелодию, которую раньше никто не играл, даже мама. Настоящую музыку! Ту, от которой бегут мурашки и всё внутри замирает. Не может быть, что это он! Я попыталась продолжить заниматься письмом с сестрой, но музыка пронизывала меня насквозь, наполняла необъяснимым восторгом. Это чудо! Невероятное наслаждение и счастье! Мелодия за мелодией — одна прекраснее другой. Но совершенно неожиданно скрипка замолкла, обречённо сдавшись тоскливой тишине. Нет, нет, умоляю, играй ещё! Не останавливайся! Неужели занятие уже пролетело?! Не может быть!

Исполненная любопытства, я тихонько подкралась к соседней комнате.

— Спасибо вам за урок, Елена Ивановна.

А голосок-то у тебя, музыкант, совсем взрослый, поди, уже студент.

— Ну что ты?! Тебе спасибо! В очередной раз говорю: у тебя большое будущее.

Значит, играл всё-таки он! Что ж, похоже, их притязания вполне справедливы. Хотя судить будут отнюдь не обыкновенные слушатели вроде меня и даже не учителя из местных музыкальных школ.

— Только вот... — следом замялась мать. — Ты манера. Манера Хейфеца⁶. Глубокая хватка, высокий локоть... Понимаешь, академическая постановка — она надёжнее. Правильнее.

— Правильнее? То есть Хейфец играет «неправильно»?! Почему его тогда слушает весь мир, а наших «правильных» никто не знает? Вам ведь понравилась моя игра?

— Игра впечатляет, не спорю, но на конкурсе таких вольностей не одобряют. Ты ведь понимаешь, малейшее смещение пальцев и интонация собьётся?

— Риск — дело благородное, — усмехнулся паренёк, явно привыкший стоять на своём. — Разве постановка рук лишает шансов стать финалистом?

— А разве стать финалистом — главное?

— Для мамы — да.

— А для тебя?

Ответа не последовало.

— Пойдём, я тебя провожу. В любом случае переживать не стоит!

— Ясное дело!

Надо бежать! Но ноги, словно парализованные, не слушались, а может, дело не в ногах, а в неистовом желании взглянуть на этого скрипача.

Дверь открылась, и из комнаты, улыбаясь, вышел ученик. Увидев его, я не могла двинуться с места: ноги словно приросли к полу, а потом слегка затряслись. Никогда не видела более запоминающейся и завораживающей улыбки и глаз. Он загадочно посмотрел на меня, и необычайной красоты улыбка растаяла. Юноша будто смутился, но его взгляд быстро стал колючим и строгим. Однако даже эта серьёзность казалась не менее прекрасной. Похоже, он, и вправду, студент. Может второкурсник или около того. Выходившая вслед за ним мама строго буркнула:

— Почему ты здесь стоишь?! Разве я не учила, что подслушивать некрасиво?

Стало невыносимо неловко, и, кажется, я покраснела.

— Иди в свою комнату! — грозно приказала она.

Скрипач снова улыбнулся, посмотрев на меня. Я была готова провалиться сквозь пол и вместе с тем не на шутку разозлилась: да кто он такой?! Ехидная улыбочка... возомнили себя бог весть кем, что он, что мамаша!

В ярости я вошла в спальню.

— Что случилось? Почему красная? Он тебе понравился?

— Как не стыдно?! Такая маленькая, а себе туда же!

А сестрица-то права. Понравился — это ещё слабо сказано, я в него по уши втрескалась, и от этих рассуждений лицо стало гореть и, наверное, краснеть ещё сильнее.

С тех пор все мысли занимал только этот скрипач. Я не знала даже его имени, но с нетерпением ждала на мамин урок каждое воскресенье. Едва заметив парня в окно, я бежала в нашу с Верой комнату и внимательно слушала, как он играл. Мама по обыкновению закрывала дверь, чего делать совершенно не следовало и порой, едва слышно, высказывала замечания по постановке рук, прерывая игру. Мне же, приходилось превращаться в слух и едва ли не останавливать дыхание, чтобы не упустить ни единого, выданного скрипачом напева, безупречного, чистого и намертво врезающегося в память. Не понимаю, чего мать прицепилась к этой хей... хеце... хренце... хрен его знает манере, вмешиваясь в его исполнение и одновременно прерывая мой звуковой пир. Ведь, как ни крути, но такой вид прослушивания музыки гораздо комфортнее, чем когда слушаю её поздними, а иногда ещё и очень холодными вечерами за углом НемГосТеатра. Закрывая глаза, я представляла, что пою или танцую под аккомпанемент

⁶ Яша (Иосиф) Хейфец(1901–1987) — легендарный скрипач-виртуоз, которого современники называли «императором скрипки» и «скрипачом века».

скрипки. Грезил, будто этот юноша играет лишь для меня одной, а потом завораживающе улыбается и смотрит пронзительными, незабываемыми глазами. Урок пролетал в мгновение ока, паренёк уходил, и наступала мучительно длинная неделя ожидания. Но больше всего я боялась снова оказаться замеченной, показав этому музыканту свой совершенно ненормальный интерес.

Как-то за ужином речь зашла об их семье. Как бы я не обманывалась, этот разговор был чуть ли не самым долгожданным событием того лета.

— Сегодня Любовь Павловна отдала долг за три прошлых занятия и заплатила ещё за месяц вперёд, — довольно начала мама, подавая отцу щедро посыпанный сахаром хлеб.

— Неужели всё как договаривались?!

— Как видишь, — мама окинула рукой царский, по нашим меркам, ужин и с оживлением продолжила: — Зря не поверили. Просто эта отсрочка...

— Поди, из-за супружника. Говорят, проигрался кому-то из наркомовских⁷ в преферанс.

— Ну, был бы голодранцем, не хуже нас — весь азарт оставлял бы на работе, — осуждающе проговорила мама, наливая Вере чай. — Не торопись, пусть остынет.

— Да, в потребкооперации⁸ не перетрудился, зато машину выхлопотал. ГАЗ-А⁹. Новенькую. Только с конвейера, — с нотками зависти в голосе рассказывал отец. — Вчера на базар на ней приезжали. Видала?

— А то! Люба из неё как императрица из экипажа вылезала.

— Дык она итак голубых кровей. Поговаривают, мол, отец у неё — бывший саратовский князь. Первозванский Павел Павлович. Слыхала про такого?

— Первозванский... Это тот, что мельницей владел? До революции.

— Он самый. А сейчас управлять продолжает. И как большевики такое допустили?! Бо-о-ольшая загадка, — потянул отец.

Слушая беседу о родителях скрипача, я понимала, что пропасть между нами шириной с Волгу, но сердце по-прежнему неистово колотилось от любопытства и нелепого восторга. Пожалуйста, скажите, как его зовут! Только имя — это всё, что я хочу услышать.

— То-то спеси у неё через край. И не боится.

— А чего ей бояться, коль и у самой, и у мужа в друзьях одни шишки?

— На ровном месте. Сына жалко — надрывается, боится её надежд не оправдать. У него такие мозоли!

— Мозоли... — презрительно повторил отец. — Пацаны — его одногодки за краюху хлеба вагоны грузят! Спины срывают! А тут мозоли...

Мать вздохнула. Суровость и мрачный реализм отца так остро граничили с искусством и миром, где детям посчастливилось быть детьми, вместо того чтобы погибать на пашне, на стройке или в шахте. И, пожалуй, он прав, вот только мы всё никак не можем перестать ровняться на буржуев, которые по-прежнему живут среди нас, сменив лишь должности и лозунги.

— Зря ты так! Музыка — большой труд, — всё же решилась возразить отцу мама. — Послушай его игру. Хоть раз. И всё поймёшь.

И тут я, сама от себя не ожидая, выпалила:

— А можно и мне послушать?

⁷ Народный комиссариат (наркомат) — в Советском государстве (в РСФСР, в других союзных республиках, в СССР) в 1917-1946 годах — центральный орган исполнительной власти, ведающий управлением в отдельной сфере деятельности государства или в отдельной отрасли народного хозяйства; аналог министерства.

⁸ Потребкооперация или потребительский кооператив — добровольное объединение граждан и юридических лиц на основе членства в целях удовлетворения собственных потребностей в товарах и услугах, первоначальное имущество которого складывается из паевых взносов.

⁹ ГАЗ-А — советский автомобиль среднего класса, годы производства 1932-1936, лицензионная копия автомобиля Ford-A, первое поколение автомобилей Горьковского автомобильного завода.

Родители сурово переглянулись. И мама ответила:

— Если будешь вовремя и тщательно помогать мне с домашними делами, а не как обычно — слушай. Но не вздумай подслушивать, как в прошлый раз, и не отвлекай нас. Не позорь перед такими людьми. И ещё, не забывай: смотреть за Верой — твоя главная задача.

Ожидание следующего воскресенья было нестерпимо волнительным и, как всегда, бесконечно долгим. Но оно наконец-то завершилось. Ранним июльским утром мама открыла дверь, и в комнату для занятий с сияющей и приветливой улыбкой вошёл он — юноша, имя которого мне было по-прежнему неизвестно. Увидев меня, на стуле в углу комнаты, он снова стал серьёзен, и, казалось, недоволен. Что опять не так? Неужели я смогу вызвать его улыбку, только если сделаю какую-то глупость? Плохая идея сюда явиться — это совершенно выводит из равновесия. Идиотка! Не следовало просить мать об этом. Такое прослушивание музыки меня погубит, я разволнуюсь и обязательно сделаю какую-то глупость, выдав себя с потрохами.

— Проверим, что ты прорабатывал дома. Начнём с новых сюит Прокофьева к балету «Ромео и Джульетта», — озадачила скрипача мама, с усмешкой переводя взгляд то на него, то на меня. — Помни про посадку: локоть ниже, кисть ровнее. В прокофьевских скачках это особенно важно — иначе интонация поплывёт.

— Хорошо, — скептически произнёс юноша. — Кстати, мама спрашивала, где вам удалось достать ноты до премьеры?

— У меня свои источники, — отшутилась мать.

— Может, вы и дату постановки знаете?

— Этого, увы, не знаю. Начни с сюиты номер 2, опус 64. Следи за положением локтя и запястья, как я говорила.

Молодой человек встал напротив пюпитра и протёр смычок канифолью из небольшой коробочки. Из футляра он достал гляцевую скрипку тёмно-вишнёвого цвета и уверенно, немного резко положил этот хрупкий инструмент на плечо. Я с замиранием сердца и смущением наблюдала за ним. Какие у него красивые пальцы и запястья! Они будто созданы, чтобы держать смычок и скрипку. Услышав прекрасную мелодию, я забылась. Воинственная и пронзительная, она поражала лаконичной гармонией, наполняя сердце готовностью к сражению, к преодолению всех запретов и препятствий на пути к любви, но сюита становилась всё напряжённее, трагичнее, громче и яростнее, сжимала сердце и устрашала. Я ждала, когда же снова повторятся те мотивы, что звучали вначале, но внезапно он остановился.

— Почему ты не закончил? — спросила мама, ожидая финала.

— Не люблю трагедии.

Он быстро посмотрел на меня и тут же отвёл взгляд. Ему, наверняка, очень жаль погибших влюблённых из пьесы Шекспира. Так трогательно. Сердце неистово стучало и наполнялось восторгом.

— Хм. Ну, это ведь просто одна из сюит к балету. Ладно. Раз душа не лежит — не надо. Сыграй Чайковского. «Мелодию», — мама поставила на пюпитр новые ноты. — Здесь главное — чистота интонации и длинное дыхание. Следи за локтем, особенно когда идёшь в верхние позиции — из-за посадки у тебя там частенько съезжает интонация. И держи ровнее кисть, чтобы вибрация была гибкой, а не зажатой.

Скрипач кивнул, и мать обратилась ко мне:

— А ты ступай. Посмотри, как там Вера, и начинай готовить обед.

Я с трудом заставила себя встать со стула и уйти, ведь не увижу его ещё неделю, не услышу этой пронзительной, будоражащей мысли игры. А он даже не взглянул на меня. Видимо, надо было вызвать гнев мамы, споткнуться, удариться или вообще упасть, чтобы этот самовлюблённый музыкант обратил на меня внимание. Я вышла, закрыв за собой дверь. Дождавшись,

когда закончится урок, я побежала к окну, но успела увидеть лишь белоснежную рубашку, быстро промелькнувшую между старых досок нашей изгороди. Весь день я была сама не своя. Не понимаю, почему этот скрипач на меня почти не смотрит, а если и взглянул пару раз, то так сурово, настороженно? Неужели обо всём догадался?!

За ужином домочадцы быстро заметили мою угрюмость и задумчивость и наперебой принялись спрашивать, что случилось, но я лишь невнятно отмахивалась. Не рассказывать же им, что влюбилась?! И в кого?! В красавца-музыканта, которому совершенно не ровня... А заодно в его незабываемую игру на инструменте, который я, похоже, ни за что на свете не смогу освоить. Перед сном я подошла к маме и тихонько спросила, может ли она снова попытаться преподать мне ещё несколько уроков, но отец услышал и недовольно проговорил:

— Ты снова за своё?! Пожалей мать, у неё и так «пили — пи-и-или!» целыми днями. Такая музыка придумана для изнеженных и избалованных буржуев, таких как этот паренёк. Ты никогда не сможешь так играть! У нас нет для этого ни времени, ни средств. Так что перестань витать в облаках.

Это невыносимо! Сегодня отец, как назло, услышал игру этого юноши и сравнил меня, не с кем-нибудь, а с ним, что оказалось особенно обидно. И хотя в этот раз внушение было произнесено без единого крепкого словца, задело оно, отчего-то, больше всех прежних. Да, я рада, что отца впечатлила игра этого молодого человека. Но почему его, именно его, надо было поставить мне в пример?! Похоже, он учится далеко не первый год. А я? Что я? Два урока пения в неделю, периодическое шатание вокруг НемГосТеатра, да незамысловатые, выдуман-ные песенки? А ещё дом, школа, Вера, хорошо хоть уже без коляски, огород, палисадник, и всё благодаря вам, мамочка и папочка! В тот вечер я не на шутку разозлилась на скрипача и старалась его не вспоминать, но тщетно. Сюита номер 2, опус 64 то и дело возвращал к нему, звуча в голове почти беспрерывно. И, несмотря на колючие слова отца, я по-прежнему с нетерпением ожидала появления этого юноши, с трудом доживая до очередного воскресенья. Несколько раз я даже ходила в ту сторону, куда после урока шёл он, чтобы подсмотреть, где живут подобные баловни судьбы, но проследить за ним от начала и до конца, увы, не удавалось — то и дело встречался кто-нибудь из приятелей, и скрипач терялся из виду.

Очередным воскресным утром, едва я собралась войти в комнату для занятий, как мама попросила меня прогуляться с сестрой и отнести обед отцу на работу.

— А чего так рано?! До обеда ещё часа 3—4.

— Отнесите сейчас. Когда вернётесь, соберёте смородину на компот и варенье. Мне ещё надо успеть всё это сварить.

Как не вовремя! Он вот-вот придёт. Ну почему?! Я всячески пыталась потянуть время, лениво складывая продукты для отца, но мама быстро закончила за меня, собрав обед и одев Веру.

— Лиза, внимательнее на дороге, — наказала она, помахав нам вслед рукой.

— Каждый раз одно и то же! Чего там высматривать?! Автобусы ходят в час по чайной ложке. Не телег же бояться?! — пробурчала я себе под нос.

Мы вышли из дома. Я всё ещё надеялась увидеть скрипача, но никого не было. Постоим-ка чуть-чуть за соседским забором, авось появится. Прошло около пяти минут, и из-за поворота вышел он — худощавый юноша лет 18-19, среднего роста, со светлыми пшеничными волосами и тёмными, почти чёрными глазами. Походка его была осанистой, но слегка зажатой; казалось, он был уверенным и самодовольным, только когда играл на скрипке.

Я глядела на него, не отводя глаз, боясь пошевелиться, и тут Вера громко выкрикнула:

— Почему мы так долго стоим? Пошли, нас ждёт папа!

Он тотчас взглянул в сторону изгороди, а я не успела вовремя скрыться. Боюсь даже представить свой нелепый и странный вид — гадкий утёнок: тощая, нескладная, с глазами непонятного цвета, с копной упрямых волос, которые вечно смехотворно торчат из кос и неряшливо растрёпываются. Да и наряд мой, как всегда, оставлял желать лучшего: запачканные носки, хорошо хоть вчера успела залатать, и платье, которому не суждено было иметь приличный вид из-за моих лазаний по заборам, драк с соседской ребятиной и кривых рук, что нет-нет да проливали на подол компоты, супы, масло и всё, что вообще можно пролить. А стоптанные и почти разваливающиеся сандалии совершенно не оставляли мне ни единого шанса.

Скрипач расхохотался и спесиво спросил:

— Чего пялишься?

Растерявшись, я всё-таки шмыгнула обратно за забор, что было более чем глупо. На этот раз я оказалась уличена за подсматриванием. Стыдно. Но разве нельзя посмотреть?! Дыру не протёрла — и будь доволен!

— Зачем так орать?! — с досадой прикрикнула я на Веру.

— Но мы же должны отнести папе обед, — искренне не понимая моего упрека, отвечала сестра. — Мы ведь не в прятки играли?

— Нет! Пойдём!

Весь день я была очень разозлена и расстроена. Да, ношу старое тряпье, зато оно удобное и я к нему привыкла. Да, не умею играть на скрипке, зато помогаю родителям по дому и с сестрой. Я люблю петь, ловить рыбу, метко стреляю из рогатки и мелкокалиберки¹⁰, а ещё бегаю быстрее всех в классе и учусь на «хорошо». Не по всем предметам, конечно, но что с того? Видимо, этого мало, чтобы такой гордец обратил на меня внимание. Значит, надо выбросить этого павлина из головы, а ещё лучше выдернуть у него из одного места все перья, чтобы не важничал. Или подправить кирпичом его слащавую мордашку.

Я не попадалась скрипачу на глаза почти до конца лета, но по-прежнему не упускала момента послушать, как он играет. Я испытывала к этому юноше самые противоречивые чувства. В душе кипели обида, гнев, злоба и одновременно какой-то непривычный, неописуемый восторг, даже счастье. А от осознания того, что он снова пришёл в наш дом, сердце билось так же сильно, как после стометровки на олимпиаде. Я никому об этом не говорила. Мне всего пятнадцать — не самое подходящее время для сердечных дел. Но я думала, что однажды повзрелею, и он ещё обратит на меня внимание. И тогда эти чёрные как бездна глаза, такие серьёзные, но вместе с тем такие смешливые, посмотрят в мою сторону, и прекрасная улыбка, которую я узнала бы из миллиона, будет сиять только для меня. Теперь, наряду со звучащей музыкой, перед сном в голове мелькали мечты о нём. О том, как мы поженимся, и у нас будут дети с такими же невероятно красивыми глазами и улыбкой. После такого я раз за разом бесконечно удивлялась, откуда же в моём котелке берётся такая несусветная каша?! Зато особенно крепко и безмятежно засыпала.

¹⁰ Мелкокалиберка или мелкашка — мелкокалиберное нарезное ружьё для тренировочной или спортивной стрельбы и охоты.

Глава 5 — Погрызанный велосипед

В один из тёплых августовских вечеров маме почему-то вздумалось выпроводить нас на прогулку. Недолго думая, я выбрала пройтись до своего любимого парка-стадиона. Для Верочки, конечно, далековато, ну, ничего, потихоньку дотелепается. Главное, не говорить матери, что идём на стадион, чтобы не волновалась. Да ей, похоже, и дела нет — всё носится с нашими нарядами. Верочке — костюмчик из тёмно-розового штапеля, а мне — платье, подаренное Ниной Захаровной Полянской — хорошей приятельницей моей покойной бабушки. Надевай, говорит, и всё тут! Мол, с мая в шкафу пылится. Пришлось напяливать. Ох, уж эти дурацкие кружавчики на подоле и странный голубоватый оттенок! Быстро заплета косы и окинув взором новый образ, я брезгливо поморщилась.

— Не нравится?! — удивлённо воскликнула, заплетающая волосы Веры, мама.

— Нет! Как будто не Азарова Лиза, а кто-то вроде Синицыной Вальки и Антошиной Машки — этих воображал и кривляк. Они такие дуры!

От упоминания об одноклассницах-заснайках лицо невольно скривилось.

— Не говори глупости! Тебе очень идёт! Прямо к глазам! *«Чиста небесная лазурь, теплой и ярче солнце стало...*

— *Пора метелей злых и бурь опять надолго миновала,* — процедила я, завершив строки плещеевской «Весны». — Жаль, что меня не миновала эта одежда.

— Да уж, конечно! Красивое, новое платье — такая мука!

— Ну, насчёт красоты я бы поспорила!

— Да тебе лишь бы поспорить! — начала заводиться мать. — Любая на твоём месте, получив такой подарок, плясала бы от счастья! А ты Полянской даже спасибо нормально не сказала. Так, буркнула сквозь зубы, мерить отказалась и в шкаф — с глаз долой!

— Зато ты сказала! Едва ей в ноги не упала! — не уступала я, насмешливо продолжая перечить родительнице, но тут же возмущаясь: — А я не просила! Я который год прошу совершенно другое, а вы как не слышите!

— Сколько можно ворчать и упрямиться?! — слегка прикрикнула мать, но тут же, успокоенная прильнувшей к её груди Верой, смягчилась: — Неужели совсем не хочется наряжаться?

— Представь себе! — пробурчала я под нос, ненароком всё же поглядывая на отражение в зеркале.

— А пора бы! Сколько можно таскать по улице самые блёклые и заношенные платья?! Когда есть поновее и без латок. А ты что по дому, что в люди! Уже не маленькая — понимать должна.

— У-у-у, — неохотно промычала я. Какой смысл наряжаться, когда после первой же игры в вышибалы новенькое платье будет ничуть не лучше обносков?! Сама же потом отчитает за то, что я всё замарала и заставит выстирывать! Делать больше нечего!

— Так и решат, что моя дочь — неряха.

— Да пожалуйста! Плевать! — прокричала я, взбешённо взъерошив волосы на макушке так, что около лица выбилось несколько прядей. — А будешь и дальше чихвостить — вообще сниму! И больше не надену! Ни в жисть!

— Не злись, сестричка! И платье носи! Ты в нём очень красивая! — внезапно примирительно-умилительно выдала Вера, и мы с матерью тотчас умолкли.

Но всё равно не понимаю, чего она так распереживалась? Раньше ей и дела до моего тряпья не было. Максимум могла буркнуть насчёт очередной дыры или пятна, а дальше — носи себе сколько влезет. А тут вдруг сразу «неряха»! Но, как бы я ни пыталась убедить себя, что до всего этого мне совершенно нет дела, обида всё же уже успела закрасться в душу. Я

ведь и сама уже не раз замечала, что будто бы застряла в возрасте десяти — двенадцати лет и упорно не хочу признавать, что близится юность. Особенности дни начались ещё два года назад. А одноклассницы, даже Боброва, давно стали следить за внешним видом и с удовольствием наряжались по праздникам. Может, мать права? Пора. Любая девчонка, действительно, была бы рада такому платью.

Мама осторожно подошла и пригладила растрепавшиеся косы, поправив выбившиеся пряди, с обеих сторон обрामившие лицо, и повернула меня к зеркалу:

— Взгляни. Так даже лучше. Верочка дело говорит — красавица!

Но я не любая и не собираюсь радоваться каким-то там тряпкам! А раз красавица — платья тут вообще ни при чём!

В парк-стадион я часто приходила с друзьями — побегать, поиграть в мяч или просто прогуляться и купить эскимо или ситро. Но сегодняшний вечер стал особенным — я увидела на стадионе сразу двух знакомых: Вальдемара, подкручивающего сиденье велосипеда, и, сидящего на скамейке рядом, скрипача. Как Гесса угораздило подружиться с таким павлином?! Если только это не...

— Привет, Вальдемар!

С тех пор как ему запретили с нами гулять, прошёл почти месяц, и я была очень рада встрече. Особенно с его веломашинкой, с которой едва хватило ума не поздороваться заодно с владельцем. Вот бы снова выпросить «Дукс» покататься. Хоть на чуть-чуть! Стоп, а что это за царапины на раме?! Видимо, кто-то вправил велосипеду рога и без нашей шайки-попрошайки.

— П-привет! — взволнованно отозвался Гесс, и будто бы смутившись, опустил глаза. Дело наверняка в наряде. Даже ему стыдно из-за этого маскарада. Так и друзья узнавать перестанут. Или примут за клоунессу. Больше не стану никого слушать и буду носить только то, что привыкла!

— А у тебя, Аза, оказывается, есть приличное платье? — неожиданно обратился ко мне безымянный зазнайка, в то время как Вальдемар тут же уставился на него, округлив глаза.

Кто?! Аза?! От фамилии что ли? Или на цыганский лад?! А может, как одна из наших коз?! Поди, услышал, как её звал отец. А ещё выскочка заметил это охламонское платье! Ну, а как же?! Сам-то не дурак принарядиться. Хорошо, что среди моих друзей нет таких олухов, которые сперва замечали бы не человека, а его наряд. И что значит «приличное»?!

— Да, есть. А ещё у меня есть имя! — ответила я, остановившись напротив скамейки. Ну, наконец-то! Настал момент знакомства!

— И как же твоё имя? Хожу к вам уже третий месяц и не знаю.

И в самом деле, вышло довольно странно.

— Лиза, — немного смущённо представилась я, робко протягивая руку. — А твоё?

Скрипач молчал, невоспитанно игнорируя рукопожатие.

— Оно ему н-не н-нравится. В-вилфрид! Его зовут В-вилфрид! С-сокращённо Ф-фрид или Вилл.

— Во дела! И, правда, не очень! Собачье какое-то, — решила отплатить я за козью кличку и невежливое поведение с глупыми заскоками. Интересно, что означает это чудное, вероятно, немецкое имя, которое ему совершенно не подходит? По звучанию совсем не то, может, хотя бы по смыслу. Знать бы, как правильно пишется — можно было бы перевести по словарю.

Вальдемар стал громко хохотать, а скрипач со спокойным равнодушием проговорил:

— А твоё — кошачье. У бабушкиной соседки была кошка — Лизка, пока дворовой пёс...

Вилфрид, по-моему, её не загрыз.

— Не с-смешно! Его Бобик з-звали. Он б-бешеный б-был. Хочешь, и тебя Б-бобиком звать б-будем? Его, к-кстати, сосед вилами з-заколел.

Я громко расхохоталась.

— Хорош б-балаболить, б-братец, раз не н-научился, — издевательски передразнил Вальдемара товарищ «собачье имя».

— Так вы братья... — сочувствующе вздохнула я, окончательно убедившись в своём предположении. Их сходством были лишь светлые пшеничные волосы и что-то едва уловимое в улыбке.

— Ага, — довольно подтвердил Вальдемар.

Бедняга даже не понимает своего несчастья! Жаль, что ему запретили дружить с нашей компанией — был бы подальше от этого задиры. Чёрт! А не рассказал ли он скрипачу про тот поцелуй у озера?! Я же сама предлагала похвастать брату, понятия не имея, что он — мамин ученик. Но ничего ведь не получилось! Неужели Лягушонок стал бы позориться?! Совесть стала яростно грызть меня, как бешеный Бобик грыз кошку Лизку, и я сконфуженно умолкла.

— А это т-твоя с-сестра — Вера? — прервал всеобщее неловкое молчание Вальдемар, по-прежнему избегая взглядом меня и мой наряд.

— Ага. Пойдёт в первый класс. А я её уже читать и писать научила!

Пришлось слегка прихвастнуть, дабы хоть немного облегчить муки совести, но, заметив на себе пристальный и какой-то особенно насмешливый взгляд скрипача, я тут же снова ступевалась. Но откуда мне было знать, что он брат Вальди?! Просто засада какая-то! Хочу слинять. Слинять прямо сейчас!

— Слушай, а можно я прокачусь? Раз всё равно пока не ездите, — решила я совместить приятное с полезным.

— М-можно! Т-только аккуратнее с с-сиденьем. Т-теперь оно всё время п-перекручивается.

— А что случилось?! И рама поцарапана...

— Да т-так, — покосился Вальдемар на тот час насупившегося братца. — З-завтра батя обещал к-купить в-винты. П-починю и подкрасу.

Ну, ясно! Вальди настолько боится брата, что даже не может сказать прямо, что «собачье имя» погрыз сиденье и раму, ну или что он там с ними сделал...

— Я недолго. Посиди здесь, — наказала Вере и тут же обратилась к Вальдемару: — Посмотри за ней. Ладно? Она не егоза. Как посадили, так и просидит.

— Х-хорошо, — слегка взволнованно отозвался Вальди, очевидно не привыкший нянчиться с детишками, и быстро опустил для меня сиденье.

Я резво устремила по стадионным дорожкам, ощутив дурман скорости, свободы и встречного ветра. Кружа по парку, я почти забыла о братьях и собственном смущении. Как же здорово, что за три дня до конца каникул мне посчастливилось снова сесть за руль этой замечательной веломашинки! Вернее, встать. Ведь сидение при малейшей попытке на него опереться крутилось, больно упираясь во все мягкие места. Не слетело бы вовсе. А то ещё бродить — искать и терять время. Ну, «собачье имя»! Что же он сделал?! Наверняка знатно шлёпнулся! То-то одет в рубашку с длинным рукавом — под ней и брюками наверняка сплошные ссадины. И поделом!

Накатавшись, вернее, решив, что пора бы поиметь совесть, а не сбавлять надолго свою подопечную на Вальдемара, я вернулась к трибунам. Ребята о чём-то оживлённо беседовали, пока Вера неуклюже облизывала эскимо, щедро ляпая на подол белоснежную, липкую массу. Я тоже хочу, но мне даже замараться нечем. Разве что следовало тоже шлёпнуться с велосипеда, но это гораздо менее приятно. К тому же мне точно не удалось бы избежать нагоняя за порчу платья. А Верочке можно — «она же ма-а-аленькая»!

— Я с-сам в-вёл. В-всю дорогу! И к Ц-циглерам, и обратно. Из Анисовки! — довольно рассказывал брату Вальдемар и, едва я подъехала, тотчас же отчитался: — В-всё хорошо — я к-купил ей эскимо. Ты не п-против?

Конечно, против, потому, что ты не купил его и мне!

- Ой, дык, она же в-вся в-вымазалась! — тут же сокрушённо отметил горе-нянь. — Извини!

— Ничего! Зато, вон какая довольная! Спасибо хоть сказала? — слегка сурово спросила я сестру. Та промычала что-то невнятное, не отрываясь от мороженого.

— С-сказала, с-сказала, — улыбнулся Вальди. — Т-точно не с-страш...

— А запаску отец менял? — встрял в наш разговор «собачье имя».

— Н-нет, тоже с-сам!

— Ну, правильно! Сам взорвал – сам и поменял! – захохотал Фрид.

— Дык с-само рвануло!

— Ага! — скептически отвечал скрипач.

— Да я т-тебе г-говорю! Я ж аккуратнo. В-все к-кочки объезжал!

— Физику надо лучше учить!

— А ф-физика тут п-при чём?

— При том. «При постоянном объёме давление газа прямо пропорционально абсолютной температуре». Закон Шарля. Я ж видал, как ты качал! Поди, рука отсохла! Вот и рвануло по пути, когда разогрелось.

Похоже, если бы не Володино заикание, их голоса тоже были бы довольно схожи. Но не тембр, а скорее интонации и некоторые манеры речи.

— К-какой умный! Ты т-только не травись больше, а то мать не п-переживёт, и бате к-кислоту не п-подсовывай!

— Так я ж подписал: НС! Кто ж ему виноват, что такой невнимательный?

Он что, пытался отравиться?! Похоже, товарищ «собачье имя» и впрямь бешеный.

— Ещё раз г-говорю — не лезь в г-гараж! Он мой и б-батин! — с робостью и обидой в голосе проговорил Вальди.

— Хорошо. Вот там и живите, нечего в дом грязь таскать!

Конечно, забавно наблюдать их препирательство, но я не я, если позволю кому-то обидеть друга!

— А ты, гляжу, тот ещё зануда, — презрительно обратилась я к скрипачу. — Физику учи! Грязь не таскай! А как насчёт научиться нормально кататься, а не ломать велосипед. Вальдемару из-за тебя придётся его чинить и красить.

— Д-да. И с-спицы к-каждый раз п-поправляю...

— Так за собой и поправляешь! И цепь натягиваешь.

— Т-только за т-тобой! Ездишь к-как б-безрукий! — наконец-то твёрдо и решительно высказался Володя, явно довольный моей поддержкой.

— Тоже мне велогонщик, — спокойно произнёс Вилфрид с некоторым безразличием в голосе. — При желании стану лучше тебя и в этом!

Вот уж отмочил, так отмочил! Совсем обнаглел!

— Ёлки-палки!!! Да чем ты лучше?! — тотчас вступилась за товарища я. — Только и знаешь, что скрипку мучить! А Вальди и велосипед починить может, и рисует, и фотографирует.

— Знаю я, как он фотографирует и что, — насмешливо покосился на брата товарищ «собачье имя».

— Ты ничего не понимаешь! У него получаются очень хорошие снимки!

Чего пока не могу сказать о рисунках, ведь увидеть ни один из них так и не получилось.

— Да я же не спорю. Несколько были особенно хороши! Правда, братец? — громко смеясь, издевался гадёныш Вилфрид.

Вальдемар отчего-то умолк и потупил взгляд. Этот выскочка совсем его заклевал!

— Да ты просто завидуешь! Потому, что сам не умеешь ничего, кроме как играть Чайковского!

— Ну конечно! А может, тебе показать эти шедевры фотоискусства? А, братец, покажем?

— А может, сначала ты перестанешь показывать свою невоспитанность?! — прошипела я, поражаясь, почему Вальди позволяет так с собой обращаться. — Он, в отличие от тебя...

— Л-лиза, н-не надо! В-всё н-нормально.

— Да как нормально? Что за новости?! Пусть докажет, чем он лучше. Починит сидение, раз сам сломал, или прокатитесь на время по стадиону. Я засеку!

— Н-не н-надо. П-пожалуйста!

— Ах, не надо?! Ну ладно. Нравится терпеть — терпи!

С этими словами я схватила за руку Веру и резво направилась прочь. Хорошо, что Вальдемару запретили с нами общаться — пусть торчит рядом с зазнайкой скрипачом и выслушивает его насмешки, чинит после него веломашину, доедает за ним объедки или что там ещё... Жалкий слабак и трус! А «собачье имя» тоже хорош! Если бы и его больше не видеть! Хватает зазнаек-одноклассниц. Но он ведь всё равно будет приходить на занятия к матери. Значит, нужно просто выкинуть его из головы. Нет, не так! Я обязуюсь сделать это с началом учебного года, а ещё повзрослеть и серьёзно заняться учёбой! Иначе выходит, что родители зря позволили учиться дальше, а не отправили работать. К тому же с этого года можно будет вступить в комсомол. Так что теперь будут особенно нужны хорошие отметки и примерное поведение.

Мой гениальный план — забыть скрипача как страшный, неловкий сон — почти удался. Продержался два дня. Целых два дня! А потом мама, сама того не ведая, взяла и щедро подсыпала в мою голову новых мечтаний. Целую телегу.

— Вилфрид Гесс прекрасно играет, — ни с того ни с сего начала она, перебирая яблоки для повидла.

Имя. И фамилия. Будь они неладны! Знала бы их раньше — догадалась бы, чей он братец! И давно забыла бы и думать!

— Очень способный парень. Воспитанный. Учится на одни пятёрки. Из хорошей семьи... А из себя... прямо принц из сказки.

— Мама, ты что такое говоришь?!

Неловко до жути. К чему это?! Проверяет мою реакцию? Или и правда так думает? Хотя... в глупых фантазиях о всяких принцах мать всегда была чемпионкой. Увидит в кино или в театре красивого артиста — и всё, уже решает, из какого он королевства-герцогства. Бывало смешно. А сейчас... сейчас это только злит и смущает.

— Ой, дочка, сама не знаю. Юность вспомнила. Как вся жизнь впереди была... вот как у вас. Эх... Ступай спать. Не слушай бестолковую. Одно только скажу: гулять — гуляйте. Все гуртом, но вдвоём... наедине оставаться не смей. Девичья честь — лучшее приданое. Да и вообще... не нашего поля он ягода.

Я что-то взволнованно гукнула в ответ и пошла спать. С чего вдруг такие речи?! Мне ещё рано о таком думать. И потом — глупости! Всё это сплошные, мамины глупости!

Но вот что самое обидное. Каждый раз, когда я втайне от себя самой надеялась... увидеть его во сне, меня ждал полный провал. Снился кто угодно. Сосед-одноклассник Мишка Шумилин, дворовой пёс... хоть кто! Но не он. А сон, который пришёл под утро... он был не похож ни на что: ни цветной, ни простой и беззаботный, ни из тех, что вообще не запоминаются. С самого начала — необъяснимая, бессильная тревога. Будто давит на грудь. Я видела одновременно знакомые и будто бы чужие края. И птиц. Хищных птиц. Они кружили. Кружили над над этими странными, невиданными местами. С разрушенными и сожжёнными домами. С поредевшими, обгорелыми деревьями. Земля была пустой. Вся в ямах. Без единой травинки. Будто мёртвая. Тишина... но не тихая. В ней не было ничего живого. Ни шорохов, ни голосов, ни смеха. Ни лая, ни мычания. Только этот тяжёлый гул. И вой. Как стон. Всё, что я видела, колыхалось и дрожало. Как кадры из кинохроники в кинотеатре. Серые. Размытые. Словно сквозь дымчатую вуаль... И вдруг... золотой луч. Он разорвал этот серый туман. Озарил обрывки

мрачных грёз. И я проснулась. От яркого солнечного света, который пробивался сквозь тонкое кружево занавесок.

Часть 2 — Шкодница

Глава 6 — Камень неба

Мать не разговаривала со мной уже пятый день. Причин на то было, как минимум, две. Во-первых: я, по дичайшей глупости, слиняла с линейки в школьный сад — посмотреть драку моих товарищей с какими-то остолопами из соседней школы. Но я не просто пропустила торжественное мероприятие, я прозевала момент, когда для Верочки прозвучал первый звонок! Прослушала, как читает она стихотворение, что мы вместе учили. Проглядела, как дарит цветы первой учительнице. И пока они с мамой, наверняка, искали и ждали меня у школы, я «отмечала» победу наших, куря с любимой, лихой компанией папирасы, что на радостях раздал всем Юрка. А потом, когда внезапно вспомнила, что меня, наверняка заждались, произошло во-вторых. Очертя голову рванув через кусты, я умудрилась разорвать и белый, кружевной передник, и новые, хлопковые чулки! Кто бы знал, какой неуклюжей дурой и хулиганкой я казалась самой себе в тот момент, когда ввалилась в школьный двор! На моё счастье народ уже разошёлся, но мне всё равно хотелось сгинуть со стыда. Вслед за мной из сада выскочили Аля и Катя. Ну, с ними понятно — боялись за братьев. Но я-то зачем подалась?! И девчата не курили, а их наряды, остались чистенькими и целёхонькими, как ни в чём не бывало. Но я есть я... Грязная хулиганка, одетая в сплошное рваньё, «украшенное» репьями и пропахшее папирасами.

Вернувшись домой и, поймав на себе как никогда суровый и укоризненный взгляд матери, я мигом промчалась в спальню, желая провалиться сквозь землю ещё сильнее, чем хотелось на школьном дворе. Но, вопреки «ожиданиям», мать не пошла за мной, чтобы отчитывать. Она даже сделала вид будто не почувствовала запах курева, и вечером, по совершенно неясной для меня причине, не стала жаловаться отцу. Попытка оправдаться, пока папа не вернулся со смены, была встречена глухой тишиной. Даже признание в том, что курила, было благополучно проигнорировано. Так что стыд грыз меня безмолвно, так сказать, один на один. А слова сестрёнки о том, как искала меня в толпе учеников окончательно заставили почувствовать себя полной гадиной. Вторых чулок и запасного праздничного передника у меня, само собой, не было. В этом году родителям и без того пришлось туго, ведь в школу собирали уже двоих, отдавая последние сбережения и отказывая себе в лишнем куске хлеба. Так что просить обновки, после произошедшего, было бы просто верхом бесстыдства. Им и так «повезло» с дочерью. Мать, наверняка, уже не раз пожалела, что не отправила в подмастерья к какой-нибудь портнихе или доить коров в колхоз. А ведь ещё несколько дней назад я клялась самой себе, что возьмусь за ум и стану серьёзнее! Но стоило только услышать о драке, как самоконтроль и разум вышли за пределы моей власти, отдав бразды правления бунтарству и любопытству. В какой-то момент, я едва ли не ввязалась в драку сама, насилиу остановленная Катей. Даже не представляю, на что бы был похож мой наряд тогда. А я сама, наверняка, осталась бы с подбитым глазом, как у Сёмки — младшего из Катюшкиных братьев, получившего от тех ребят больше всего подзатыльников и оплеух. Что ж, сегодняшняя проделка, должна стать мне хорошим уроком.

Стоически сдерживая слёзы, я залатала и выстирала вещи, а утром отправилась на уроки в, мягко говоря, не самом благообразном виде. Вместо праздничного передника, что после стирки превратился в подобие половой тряпки, пришлось надеть чёрный, нарвавшись за это на укоры учителей. А криво заштопанные и едва высохшие к утру чулки, всю неделю вызывали насмешки некоторых, особо задиристых, одноклассников. Что ж, ничего не попишешь. Заслужила! Но чинёные чулки — цветочки по сравнению с посеревшим и окривевшим из-за штопки передником. Месяц-другой — и надену сапоги, а там и шерстяные колготы. Да и

не видно их особо. По крайней мере, когда сижу за партой и не выхожу на переменки. А вот праздничный передник — беда так беда! Он хоть и нужен всего-то пару раз за четверть, но надевать на праздники такое грязное барахло — позорище похлеще курения. Отбелить его за всю оставшуюся неделю так и не вышло, так что, скоро придётся сознаться во всём отцу. Затем меня, а скорее всего, нас с матерью ждёт знатный нагоняй. А уж потом батя выделит средства на покупку белой кружевной ткани. В воскресенье днём он будет дома, к тому же это второй мамин выходной и на столе наверняка будет много вкусной еды. Так что послушаю скрипача, пообедаю, а потом сдамся на милость сытого и отдохнувшего родителя. Надеюсь, его гнев будет не так силён, как рисует измученное стыдом и страхом воображение.

Но, мой, в общем-то, вполне неплохой, план внезапно рухнул, когда в субботу утром мама вдруг нарушила свой обет молчания. С суровостью нашей математички она объявила, что кружево для передника есть у Нины Захаровны и старушка приглашает нас втроём с Верой на чай. Я едва ли не завопила от счастья, но боясь что, мой неконтролируемый восторг заставит мать передумать, просто пробормотала, что очень благодарна им обоим. Признаться, не слишком-то любила ходить к Полянской с матерью. Занудные беседы о воспитании детей, о здоровье и о жизни порядком утомляли, а после комментариев относительно того, какая я озорница, совершенно нежелательная «вести себя как все нормальные девочки» хотелось и вовсе разругаться с ними и сбежать куда подальше. Но, на сей раз, коль уж старушка согласилась прийти мне на выручку — буду терпеть. Тем более, сегодня их ликбезы будут более чем заслужены, а я намерена даже как следует повиниться.

Подходя к дому Полянской, мать тихонько, чтоб не слышала сестрица, шепнула:

— Не стала рассказывать о твоей проделке. Слишком стыдно. Так что лучше просто молчи.

Парализованная ядом стыда, вновь наполнившим все мысли, я не смогла даже кивнуть ей в ответ и в доме у Нины Захаровны, наотрез отказалась от чая и держалась от них обеих подальше. Именно в этот день, поглощённая какой-то особенной печалью и серьёзностью, я впервые подробно и осознанно рассмотрела жилище старушки. Снаружи это был самый обыкновенный, ни чем не отличавшийся от других небольшой деревянный домик, с таким же кропотливым трудом, как и наш, восстановленный после случившегося десять лет назад наводнения. Внутри же дом был сказочно красив и уютен. Со вкусом подобрана мебель, накидки и шторы. Некоторые вещи были настолько изысканы и необычны, что я как замороженная смотрела на них, не отводя глаз, а в голове, между тем, непроизвольно сплетались воедино самые разные звуки. Шуршание воздушной фатиновой занавески, встряхивание широкой, накрахмаленной скатерти, тончайшее позвякивание фарфоровых чашек и блюдец, тихая мелодия, льющаяся из граммофона, стоящего в противоположной части дома, и шум колыхаемой лёгким ветром листвы за окном — всё сливалось, создавая неповторимую композицию, музыку спокойствия и всеобъемлющего тепла и защищённости. Возможно, так казалось потому, что здесь было спасительное кружево или жила старушка, что совершенно безвозмездно была готова его отдать. Я осознала, как много значит Полянская для мамы — её помощь в присмотре за Верой, искренние слова поддержки, участливые вопросы и мирные беседы под горячий чай, добрая улыбка, житейская мудрость и этот по-особенному тёплый дом, в котором нас троих всегда ждут, чтобы ни случилось.

Пока мама, Вера и Нина Захаровна пили чай из фарфоровых чашек с нежным узором и беседовали, я, впав в забытье, наслаждалась самобытной «мелодией» этого по-особенному родного уголка и с неуёмным любопытством и восторгом рассматривала всё вокруг. Остановившись у тщательно отполированного трюмо, я любовалась изящными литыми ручками шкафчиков, полукруглыми фасадами, и резными ножками. Чудилось равномерное шипение раскалённой бронзы, льющейся в глинисто-песчаную форму, ритмичный стук и посвистывание рубанка, скользящего по плотной древесине, шуршание стамески, вырезающей причудливый

орнамент. Взгляд остановился на прикрывавшей столешницу салфетке, изумляющей воздушной лёгкостью ажюра и в голове тут же послышалось звонкое перестукивание коклюшек¹¹ и едва различимый шелест ловко перебрасываемых нитей, сплетающийся в причудливый узор. Висевшее на одной из створок трюмо ожерелье из хрусталя, будто тихонько скрежетало бусинами, мерцающими в лучах полуденного солнца и отражавшимися в зеркалах трюмо. Я будто бы слышала даже звуки этих отблесков. Тихие, но вместе с тем необычайно чистые. Чем более разноголосым становился концерт в голове, тем более взволнованно я пыталась «поймать» мелодию и запомнить каждый перелив. Расписные шкатулки, скрывая под покрытыми диковинными орнаментами крышками неизведанные миры, будто перешёптывались друг с другом о том, какой блестящей и торжественной была прошлая жизнь, сколь пышной тогда была мода, сколь величественной красота, сколь романтической любовь.

Внезапно в одной из тех шкатулочек, которая почему-то оказалась открыта, заискрилась серебряная оправа старинной броши с огромным камнем. Цвет кабошона был неописуемо красив: от голубого, до тёмно-синего с фиолетовым отливом, с серебристо-белыми, словно звёзды на небе, вкраплениями, и стеклянным отблеском. Я упустила нежнейшее и безмолвное воспроизведение музыки и, словно впав в беспамятство, достала и принялась рассматривать украшение. Как будто зрение и слух вступили в незримый бой, в котором звуковое наслаждение уступило место зрительному.

— Лазурит, — произнесла голосом полным ностальгической грусти Нина Захаровна. — «Камень неба».

Я слегка вздрогнула от её неожиданного появления и с некоторой неловкостью положила брошь на место.

— Символ искренности и помощник в реализации задуманного. Это подарок от родителей в день моего восемнадцатилетия. Прошло не меньше полувека... да что там, — вспоминая, прервалась она, — шёл 1876 год, значит, без малого 53 года.

— Но она совсем как новая! — недоумевая, произнесла я.

— Да, над некоторыми вещами время почти не имеет власти. А есть и те, для которых времени не существует вовсе.

— Как это?

— Начнём с простого. Тебе нравится это трюмо?

— Да, очень красивое.

— В эти зеркала смотрелась ещё моя бабушка, когда была такой же юной, как ты. Только представь, сколько оно повидало! Чего только стоило то половодье! Знаешь, почему древесина не разбухла, не покрылась плесенью?

— И, правда, почему?! — с нескрываемым любопытством спросила я, вспоминая, во что превратилась едва ли не вся домашняя утварь у нас и у соседей.

— Для создания настоящего произведения искусства мастер берёт самое лучшее, — ответила Полянская, проведя рукой по гладкому фасаду. — Это морёное дерево. Лёжа на самом дне реки или болота десятки лет, оно набирает прочность.

— Прочность?! В воде?!

— Именно так. То, что должно разрушить, придаёт стойкость. Но морёная древесина выходит далеко не из каждого бревна. Дерево должно иметь высокую плотность, чтобы под тяжестью собственного веса оказаться на дне, а не загнить, плавая на поверхности. Так и с людьми. Не каждый способен выдержать испытания с честью, пусть даже оказавшись на самом дне жизни. Ещё реже удаётся обрести стойкость. Но речь немного не о том. Время неумолимо.

¹¹ Коклюшка — деревянная, как правило, катушка с ручкой, на которую наматываются нитки для плетения кружева. Плетение на коклюшках также называют «подушечным кружевом».

И когда-нибудь, пусть и очень не скоро, это трюмо всё же обветшает. К слову, люди теряют внешнюю красоту куда быстрее, чем большинство пусть даже не самых изысканных вещей.

Старушка выдвинула верхний ящик туалетного столика, достав оттуда портрет юной рыжеволосой красавицы с ярко-голубыми лучистыми глазами и алыми губами.

— Здесь мне не больше двадцати. Художнику в полной мере удалось передать всю прелесть, лёгкость и наивность моей молодости. Похожа? — с лёгкой иронией спросила Полянская.

Я изумлённо посмотрела на портрет и, недоумевая, перевела взгляд на Нину Захаровну. Передо мной была старуха, не имеющая ничего общего с изображением. Разве что тот же лучистый взгляд и добрую улыбку. Однако, не сумев облечь увиденное сходство в слова, я лишь пожала плечами.

— Едва ли. Как видишь, милая, внешняя красота быстро угасает, она призрачна. Подлинная же красота состоит в доброте сердца, в силе духа. Это и есть самое лучшее в нас. То, что способно сделать из человека настоящее произведение искусства. Добрые дела и смелость — вот, что остаётся в истории. Вот что помнят и передают из уст в уста. Вот о чём пишут книги и сочиняют песни. Расти их в себе. И никогда не позволяй украсть. А ещё есть искусство. Подлинное искусство, в котором душа автора живёт вечно. Лучшие ароматы, мелодии, песни, стихи и книги — не умрут. Библия, которую веками жгли, прятали и уничтожали и продолжают уничтожать и прятать от нас, до сих пор — цела. Её копируют, переписывают и берегут. Бессердечным нелюдям никогда не удастся уничтожить всё до последнего экземпляра. А настоящая любовь... дай Бог, если тебе доведётся её испытать, ты сама всё поймёшь. Узнаешь, как два сердца, стуча в унисон, сливаются воедино. Как две души, звуча на одном ладу, обходятся без слов. Как два тела, будто корни дерева, сплетаются намертво, вместе расцветая или погибая навсегда. Но порой даже то, что кажется гибелью, есть возрождение для новой жизни. Подобно дереву, что ждёт своего часа под толщей воды и ила. Возьми эту брошь и пусть она напоминает тебе о моих словах.

Сказав это, она вытащила украшение из шкатулки и прикрепила к платью. Ха! На моём затасканном наряде обычно красовались пятна или репы, а брошь выглядела, как бельмо на глазу! Прежде я имела дело исключительно с камнями, подходящими для рогатки. А к такому камешку нужен соответствующий фон, но его нет. Как и нет повода вообще носить подобные цацки. В школу — нельзя. На прогулках с друзьями наверняка потеряю или кто-нибудь умыкнёт. На праздник — не позволит отец. Да и рано мне ещё. Я уж было потянулась отколоть и вернуть обратно, как вдруг подумала: можно ведь продать, деньги будут не лишние! Вдруг хватит на велик?! А нет — накоплю гору мороженого себе и друзьям!

— Зачем это, Нина Захаровна? — подошла вдруг мама, кормившая сестру и не слышавшая нашей беседы. Ёклмн, наверняка сейчас же вернёт!

— Оставь, Леночка. Лизе она очень понравилась, мне будет приятно, если она возьмёт. Кому, как не вам достанется всё это? А воспоминания о покойных родителях, Павле Никифоровиче, Светланочке и Николеньке всё равно будут тревожить мою душу, пока мы с ними не встретимся, и дай Бог, этот час уже близко.

— Ну что вы, Нина Захаровна, не говорите так!

— Я врач, мне ли не знать? — с грустью сказала она, но потом торопливо и с некоторым задором произнесла: — Полно, не будем печалиться! Идёмте смотреть кружево.

Старушка подвела нас к старинному сундуку с резным узором и росписью и, открыв его, достала удивительно нежную, ярко-белую кружевную ткань.

— Замечательно! — воскликнула мама, а потом ещё долго и безрезультатно пыталась всучить Полянской деньги за отрез. Но старушка не просто сумела отказаться, но ещё и умудрилась всучить матери деньги на пошив.

Солнце уже садилось, скоро должен был вернуться со смены отец и мама, поговорив ещё немного с Ниной Захаровной о здоровье нашей Верочки, иногда мучившейся от болей в животике, и внимательно выслушав её советы, стала прощаться со старушкой.

Дома я долго размышляла о том, как Полянской удалось сохранить предметы из её прошлой жизни. Возможно, дело было в том, что её уважали как прекрасного врача или в том, что Нина Захаровна почти никогда не звала гостей, способных наболтать лишнего там, где не следует. А может и в том, что в целом старушка много лет жила тихой и неприметной жизнью, а нечто по-настоящему ценное у неё отняли давным-давно и безвозвратно. После ужина, сидя вдвоём с мамой на кухне, я тихонько решилась заговорить о доме Полянской:

— У неё так красиво! Столько необычных вещей!

— Да, но это лишь ничтожные остатки той роскоши, в которой они жили. Помню, как ноябрьской ночью 1917 г. видела в окошко нашей небольшой усадьбы, как красные выводили их из дома под дулами пистолетов. Через месяц мы узнали, что без суда и следствия пристрелили мужа, а сына Николеньку и дочь — подругу мою лучшую — Светочку — отправили в приют. Больше мы о них ничего не слышали, как не искали. Саму Нину Захаровну спасли только её золотые руки. Тогда она достала с того света дочь красноармейского генерала, больную холерой. Вскоре после убийства Полянского и разграбления их дома настал и наш час расплаты. Родителей красные оставили в живых, но нас вышвырнули из усадьбы и переселили в халупу на окраине города, да такую древнюю, что сорвало её в урагане и разбило в щепки. Твои бабушка с дедом ушли раньше — от холеры. Через два месяца после твоего рождения. Только карточка на память осталась.

— Они были дворянами?

Родители много раз рассказывали про ту эпидемию, унёсшую жизни моих дедушки и бабушки. И про ураган в мае 1923, превративший в развалины несколько заводов, оборвавший телеграфные и телефонные сети, выдернувший из земли с корнями могучие вековые деревья и сорвавший бабушкину с дедом землянку. Но вот про то, кем были мои дед, бабка и старушка Полянская мама говорит впервые. Меня охватила гордость и вместе с тем страх. Их презрительно называли буржуями, убивали, отбирали имущество и выгоняли из домов.

— Купцами второй гильдии¹². Твой дед, как и его отец, и отец его отца занимался солевыми промыслами, а бабушка плела кружево и играла на пианино.

— На пианино?!

Теперь, наконец, ясна причина моей любви к этому инструменту!

— Его отняли?

— Когда добыча соли окончательно пришла в упадок, наша семья оказалась на грани разорения и пианино, вместе со многими другими семейными реликвиями и ценностями, пришлось продать.

— А ты выбрала игру на скрипке?

— Пианино оценили дороже. А дальше передел власти и тысячи безвинно загубленных судеб...

— За что их так?

— Классовая вражда. Но разве у кого-то есть право отнимать то, что подарено Творцом? Вот только жестокие, богопротивные люди всегда сеяли и сеют вокруг семени вражды и наслаждаются их пышными всходами. Национальность, религия, социальное неравенство. Повод калечить и забирать жизни есть всегда. Но причины бедности не всегда глупость и праздность, а талант, ум и трудолюбие не всегда следствия богатства. Национальность не выбирают, а рели-

¹² Купеческая гильдия (от старо-нем. *gilda*, *gelda*, *gildomia* — плата; сравн. с совр. нем. *Geld* — деньги) — основная форма организации людей, занятых торговлей. Купцы второй гильдии могли владеть речными судами, фабриками и заводами, освобождались от телесных наказаний и от рекрутской повинности

гия и вера подчас две совершенно разные вещи. И только людские пороки: алчность, гнев, зависть и гордыня не имеют ни нации, ни религии, ни сословия. В какой-то мере они присущи каждому. Но стоит ли давать им ход? А ещё есть обстоятельства, что, увы, от нас не зависят. Здравие или болезнь. Благоденствие или беда. Они выявляют нашу сущность. Прежде всего, для нас же самих и для Господа. Но только Ему одному дано право судить наши поступки, слова и помыслы, а потом наказывать или прощать. Я говорю с тобой как со взрослой. Может быть, рано, но ты порой очень смышлёная... Только прошу: не заводи бесед на эти темы с посторонними. Курс всеобщего равенства и братства принят далеко не всеми. И вряд ли у этих безбожников что-то получится. А про то, кем были твои дедушка и бабушка и вовсе молчи. Сама понимаешь.

— Я никому ничего не скажу, мама.

— Хорошо, милая. Ступай спать. И береги брошь! Это очень ценный подарок. Полянской будет приятно знать, что ты им дорожишь.

Мне тотчас сделалось стыдно за своё желание продать украшение, а ещё за побег с линейки, курение и порванные вещи. Узнав своё происхождение, я как будто бы оценила собственное поведение ещё более придирчиво и строго.

— Мам...

— Что?

— Прости за линейку, — робко промямлила я, думая о том, сколько ей приходится от меня выносить. — Но я ведь не со зла. Так само... само выходит... Эти ребята... они ведь на спор выбрали время линейки! И всегда так задирали наших! Видела бы ты, как наподдали им Ванька с Юркой! Ух! Давно надо было...

— И ты меня прости, Лиза. Я не должна была молчать. Переняла привычку отца. А нужно разговаривать. Всегда. Только так — по словечку мы вычерпываем обиды. А теперь ступай спать. А я ещё схожу — насыплю курам пшена, загоню коз и закрою сарай.

— Я сама схожу, а ты иди — отдыхай.

— Спасибо, милая. Ты вовремя. Я так устала. Доброй ночи.

Мама поцеловала меня в лоб и ушла спать. Как хорошо, что мы помирились и так душевно поговорили. Теперь я обязательно буду слушаться. Уже давно следовало начать взрослеть.

Я насыпала курам пшена, налила воды и плотно закрыла курятник, чтобы ненароком не прибежал полакомиться из леса хорёк или лис. Затем загнала коз, изрядно намучившись с Азой. Закрыв сарай, я немного посидела на скамье у дома, вслушиваясь в ночные серенады цикад, что совсем скоро замолкнут на долгие месяцы, возобновив выступления лишь в мае.

Перед сном, достав из кармана брошь, я снова принялась любоваться ею, вспоминая минувший день и тихонько напевая волшебную и таинственную, словно «камень неба» мелодию. Нужно спрятать украшение в укромное место, пока не потеряла. На цыпочках прокраившись в родительскую спальню, я тихонько достала из шкафа отцовскую спичечницу, которой он почему-то не пользовался, и украшение уместилось в ней, словно там ему и место.

— Храни мой талисман, пока не стану взрослее, — прошептала я. — А потом, клянусь, что забуду о нищете и убогости, о голоде и бесславии. Однажды меня будет окружать лишь красота, прекрасная музыка и настоящая, вечная любовь.

В тот день, впервые в жизни, среди серой, будничной рутины, я узнала и почувствовала нечто новое и прекрасное, прикоснулась к нему. Захотелось до конца своих дней сохранить лучистый взгляд и добрую улыбку, как сохранила их Нина Захаровна. В голове, как граммпластинка, то и дело стали вертеться её слова: «есть вещи, для которых время не существует вовсе... красота, искусство, любовь». А за спиной как будто выросли сильные крылья, способные нести сквозь унылые серые тучи бесконечных, будничных хлопот к чему-то высшему и нетленно прекрасному. К миру звуков и мелодий. В лазуритовую глубину неба. В сказку, длив-

шуюся лишь обрывками мгновений — к моей первой любви. Нина Захаровна оказалась права, это и было тем, неподдельным и не подвластным времени, ради чего стоило жить, и она была дана, чтобы я убедилась в этом. Нужно было лишь правильно выбрать направление движения: навстречу любви или вслед за ней.

Глава 7 — Снова-здорово

Воскресное утро было особенно добрым: мама снова со мной разговаривала и даже похвалила за то, что пожарила оладушки, пока она сходила в магазин за хлебом. Вопрос с передником благополучно и совершенно беззатратно решился. А через пару часов я смогу послушать своего любимого. Ну, в смысле скрипача. Любимого скрипача и больше ничего. Вряд ли то, что я себе нафантазировала имеет хоть что-нибудь общее с тем, о чём говорила Нина Захаровна. Интересно, есть ли какой-то способ это проверить? Вздор! Опять я за своё! Решила ведь — забыть! Просто послушаю игру и ауфидерзейн. Ничего не поделаешь, раз уж решила взяться за ум. И пока Гесс не пришёл — не стану терять время и займусь уроками. Начну с самого мерзкого.

— Так, что тут у нас? — напустив умный вид, проговорила я, деловито поглядывая на игравшую в уголке Веру и вытаскивая дневник и учебники из портфеля. Теперь мне нужно быть добросовестнее ещё и потому, что я — пример для сестры. И пока, к сожалению, весьма плохой. — Три задачи по физике, две по химии, параграф по истории и сочинение частушки по литературе. Значит физика. «Будь она неладна! — продолжила про себя я, открывая задачу номер восемь. — Читать о русском фольклоре и придумывать частушку будем на десерт. А исполнять под аккомпанемент скрипки!» Забавно было бы такое послушать — тут же принялась представлять я, снова думая о Вилфриде. Слыша в голове нелепо сплетающиеся воедино народно-классические мотивы, я представляла нас с Гессом, смехотворно одетых в концертно-деревенские наряды. Мы выступали в какой-то избе, на разные лады исполняя бессмысленные и несуразные куплеты. Следом пригрезилось, будто плывём со скрипачом на лодке. «Мы на лодочке катались, не гребли, а целовались» — звучало в мыслях, а губы непроизвольно растягивались в улыбке.

— Чего лыбу тянешь? — хихикнула Верка. — Списывать решила?

Проклятье! Неужели нужно опять что-нибудь порвать, накуриться и разозлить маму, чтобы совесть мешала то и дело вспоминать этого зазнайку?!

— А ты не пялься! Убирай кукол, неси табуретку и пиши слова, — сурово буркнула я, озадачив сестрицу. Может, если она сядет рядом, мне будет легче сосредоточиться.

— Да они там даже буквы ещё не выучили! — недоумевая, отозвалась Вера, прижав к себе одну из кукол.

— И что?! Тренируйся! А то догонят и перегонят!

— Ладно. Сейчас, — послушно пролепетала сестрица и принялась аккуратно складывать игрушки на полку. Повезло, что она не такая, как я, иначе послала бы меня куда подальше, раскидала бы кукол и удрала на улицу. Так, вернёмся к задаче номер восемь: «Определите давление газа в баллоне... *«При постоянном объёме давление газа прямо пропорционально абсолютной температуре. Закон Шарля»* — сей же миг всплыл в садовой голове приятный голос Гесса. Чё-ё-ёрт! Ты мешаешь мне делать уроки! Изуди! Но ведь ты даже ещё не приходил...

«...в баллоне при нормальном внешнем...» — продолжала вчитываться в набор едва ли понятных слов я, пока Вера пододвигала стул, усаживаясь за пропись и осторожно доставая из пенала перо. Только бы стол не уделала.

— На, вот, — подала я ей несколько промокашек¹³, — и, гляди, аккуратнее!

— А что писать-то?

И, правда! Мысли совсем перепутались. Я открыла перед сестрой Азбуку и ткнула пальцем в первую попавшуюся фразу:

¹³ Промокательная бумага — пористая бумага из слабо расщеплённых хлопчатобумажных волокон, в структуре которой много мелких капилляров, вследствие чего она быстро впитывает жидкости, например, чернила.

— Вот, пожалуйста: «Мама мыла раму».

— Угу. Помыла уже. К ученику собирается.

— Как к ученику?! К какому это учени... — воскликнула я, испуганно выскочив из спальни и в мгновение ока очутившись в комнате родителей.

— Вера сказала, ты уходишь?! — тот час принялась допытывать я, поправлявшую причёску маму.

— Да. Теперь сама буду ходить к Вилфриду.

— Как?! Почему это?!

Мать положила в сумку нотные тетради и покосилась на читавшего газету отца, поочерёдно взглянувшему на нас обеих колючими глазами, и я неловко замолчала. Похоже теперь, всё ясно и отцу! Но что мне делать?! Гесс не придёт! Больше не придёт в наш дом, а я не услышу... больше не услышу его игру и голос! Не погляжу из окошка ему вслед, любуясь прямой походкой! Нет, нет, нет! Этого никак нельзя допустить. Но что я могу сделать?! Думай! Думай, голова! Я тебе шапку куплю. Есть! Если незаметно увязаться за матерью, можно будет узнать, в какой конуре живёт товарищ «собачье имя»! А, может быть, и послушать под окошком его серенады. Логичнее прозвучало бы вой. Вот только бежать за мамой всю дорогу слишком рискованно. Особенно по нашей улице, где наверняка ко мне или к ней прицепиться кто-нибудь из соседей. Думай, голова! Думай ещё! Это задачка посложнее номера восемь. Решено! Я резво подлетела к обувавшейся матери.

— Мне нужны ленты! Для вышивки на урок домоводства, — пряча взгляд, промямлила я. Вышивка действительно была домашним заданием на два ближайших месяца, но вшивать в неё ленты было совсем необязательно. Просто всё остальное у нас дома точно было: и нитки, и иглы, и пяльцы.

— Много?

— Штуки три-четыре. Метра по два-три, — растерянно лепетала я, наобум называя количество и метраж. — Разноцветные. Я сама куплю. Только дай денег.

Мать попнула в сумку, протянув мне монеты. Совесть тотчас завопила, что я шпионка и врушка, напрасно вытянувшая из матери деньги, дабы потратить их для отчёта. И это при всём при том, что только вчера обещала быть послушной. И снова-здорово! «Какой уж тут, тебе, Елизавета Азарова, комсомол, если вместо мыслей о Родине и коммунизме, в голове такие глупости?! Признайся, что мечтаешь поменяться с матерью местами и ходить к Вилфриду каждое воскресенье, чтобы слушать, как он играет, пока Елена Ивановна рассчитывала бы давление газа в баллоне, в сосуде или в собственной, забитой никому не нужными задачками, черепной коробке! Или станешь отпираться?!». Вопросы были риторическими и мне оставалось лишь молча вздохнуть и, заткнув рот совести кляпом, довести до конца начатое.

— Я с тобой! — ринулась за вышедшей во двор матерью.

— Коз покорми!

— Потом. Сперва куплю ленты. Туда и назад!

Мать окинула меня странным взглядом и будто бы прекрасно поняла, почему мне так срочно понадобилось идти прямо сейчас. Чёрт! А мы ведь только вчера помирились, а я снова не слушаюсь. И снова как-то вроде бы и не из упрямства, и ни капельки не на зло, а просто... Так уж выходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.